

Институт психологии Российской академии наук

ЧЕЛОВЕК И МИР

2019. Том 3, № 1(6)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК И МИР

С.В. Тихомирова (зам. Главного редактора)
Е.Н. Холондович (ученый секретарь)

Члены редколлегии:

В.С. Агапов, С.В. Григорьев, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, А.В. Карпов, В.А. Лекторский, Н.А. Логинова, Л.В. Меньшикова, М.Д. Няголова, А.Н. Славская, В.В. Селиванов, В.В. Семикин, С.В. Тихомирова, Е.Н. Холондович, А.С. Чернышев, Н.И. Чуприкова

[www: chelovekimir.ru](http://www.chelovekimir.ru)

+7 (495) 683-54-50

Москва

Институт психологии Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Л.И. Вассерман, В.А. Журавель В. Н. МЯСИЩЕВ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	3
В.А. Карачунский ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ФИЛОСОФИИ	23
И.А.Юров ПАРАДИГМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	41
М.И. Яновский, В.Н. Ягодкин ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДЖ. ЛОККА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	65
С.С. Бубнова ТЕОРИИ КАУЗАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ	77
С.В. Тихомирова МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЧУВСТВ	95

В. Н. МЯСИЩЕВ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

© 2019 г. Вассерман Л.И.*, Журавель В.А.*

* Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева

Аннотация: Статья посвящена роли выдающегося деятеля в области медицинской психологии Владимира Николаевича Мясищева. Описываются вопросы предмета и метода в психологии его вклад в определения предмета и метода в психологии, развитие теории построения психологического эксперимента, а также в клиническую и психотерапевтическую практику. Обосновано утверждение, что творческое наследие В.Н. Мясищева остается актуальным до настоящего времени.

Ключевые слова: Мясищев, медицинская психология, теория эксперимента, творческое наследие

Владимир Николаевич Мясищев (1893-1973), чей творческий путь в медицине и психологии начался еще до 1-ой мировой войны, на протяжении полувека являлся одним из самых активных, разносторонних и ярких деятелей в области медицинской психологии в нашей стране.

Родившийся в Фридрихштадте (теперь Яунелгава в Латвии) в семье мирового судьи Николая Филадельфовича Мясищева, направленного туда после окончания Императорского Харьковского университета, он рано потерял отца. Его матери, Евгении Арсеньевне, дочери тайного советника А.Лаврова, пришлось с тремя детьми переехать на юг России, в Николаев, где В. Мясищев окончил Александровское реальное училище в 1912 г. и тогда же поступил на основной факультет Психоневрологического института в С.-Петербурге (Личное «дело» ГИА в Спб). (Надо сказать, что разносторонне одаренный юноша поначалу стремился к музыкальной карьере, но травма руки, полученная при падении с лошади, помешала осуществить желаемое). В институте В. Мясищев намеревался получить юридическое образование, но после 1-го курса основного факультета подал заявление на медицинский факультет. На первом курсе основного факультета, где одними из главных предметов были общая и экспериментальная психология, а также психология индивидуальности (характерология), он увлекся лекциями и семинарами профессора психологии,

доктора медицины, декана и основателя основного факультета, выдающегося русского психолога Александра Федоровича Лазурского (1874-1917) (Мясищев, Журавель, 1974, 2, с.32-42). И уже в 1914 г. в издававшемся Психоневрологическим институтом журнале «Вестник психологии» появилась первая научная работа В.Н. Мясищева «Научно-характерологический анализ литературных типов» (по трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность») (Мясищев, 1914, 3, с.4-5, 43-53, 45-66).

Научной характерологии, психологии индивидуальности в норме и патологии В.Н. Мясищев, по существу, был верен впоследствии всю жизнь.

Следует отметить, что основанный В.М. Бехтеревым, его учениками и соратниками Психоневрологический институт (ПНИ) содержал в названии термины «психологический» и «неврологический», причем под «неврологией» в то время В.М. Бехтерев подразумевал широкий комплекс наук о человеке, медицинский же факультет в составе ПНИ был создан только через пять лет после основания института в 1907 г. (Журавель, 1992, 4, с. 153-158). Таким образом, В.Н. Мясищев попал в атмосферу весьма благоприятную для становления его в качестве врача и психолога в медицине. В частности, А.Ф. Лазурский уже в 1908 г., к тому времени впервые в России, создал специальный доцентский курс «медицинской психологии» и читал его в Женском медицинском институте (теперь 1-ый Медицинский институт им. И.П. Павлова) (Журавель, 1977, 6, с. 920-923).

Научная деятельность В.Н. Мясищева началась в период бурного развития отечественной и мировой медицинской психологии. Начало ее расцвета в России относится к середине 80-х гг. XIX в., когда ряд психиатров и невропатологов, а также представителей других медицинских специальностей в силу практических и познавательных потребностей приступили к решению психологических проблем медицинской науки и практики здравоохранения. Это относится и к теории психологии, и к методам не только психологического исследования, но и психологического воздействия (психотерапии), а также к вопросам психогигиены и психопрофилактики. Многие были современниками Мясищева-

студента, но старшие из них находились на закате своей научной и творческой деятельности или впоследствии эмигрировали в первые годы врачебной и научной деятельности Владимира Николаевича. Он относился как бы уже к третьему поколению научно образованных психологов в русской медицине, первыми из которых по праву считаются (по алфавиту) В.М. Бехтерев, В.Х. Кандинский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков, И.А. Сикорский, А.А. Токарский и В.Ф. Чиж, а позже к ним присоединились их ученики и сотрудники А.Н. Бернштейн, Г.И. Россолимо, А.Ф. Лазурский и большой ряд менее известных деятелей русской медицинской психологии. Следует сказать, что они пристально следили за развитием психологии в Европе и США, некоторые длительные сроки стажировались за границей (В.М. Бехтерев, В.Ф. Чиж, А.Ф. Лазурский), но дальнейшее их творчество шло, как правило, самобытным путем и обогащало мировую (и не только медицинскую) психологию. Здесь не место для изложения всего богатства, которое было выработано русскими психологами, работавшими в медицине, но лишь в последние годы стали широко известны причины, почему оно недостаточно использовалось и сравнительно медленно развивалось в период после революции 1917 г.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что организационные формы научной деятельности и некоторые принципы исследований В.Н. Мясищев унаследовал от В.М. Бехтерева. Пристрастие к изучению физиологических коррелятов душевной деятельности и тем самым к подлинной объективности психологического исследования личности он перенял у И.А. Сикорского (вместе с идеями и теорией психопрофилактики, основателем которой тот явился в 1880 г.). Экспериментаторскую тщательность в психологической лаборатории, а также глубокий интерес к широкому кругу проблем теории личности – от В.Ф. Чижа. И, конечно, самой большой его любовью была научная характерология в норме и патологии, чем он, как уже сказано, стал заниматься под непосредственным влиянием А.Ф. Лазурского.

В.Н. Мясищев закончил обучение на медицинском факультете ПНИ в декабре 1919 г. Но его медицинская деятельность (в качестве санитарного врача

Невского управления водных сообщений) началась еще в середине 1918 г. За полгода до получения диплома он стал ординатором кафедры психиатрии своего факультета и врачом-интерном Воспитательно-клинического института для нервнобольных детей. Особенно значительно профессиональная деятельность В.Н. Мясищева стала расширяться с 1921 г. Так, с марта этого года и до конца жизни он был сотрудником института, носящего теперь имя В.М. Бехтерева, а с апреля 1939 г. около 20 лет являлся его директором. Параллельно он работал в ряде других научных медицинских и педагогических учреждений Петрограда-Ленинграда (Личный фонд Мясищева, ЦГАНТД СПб, ф.403).

В таких широких организационных рамках почти 60 лет протекала деятельность В.Н. Мясищева в области психоневрологии и медицинской психологии. Им написаны более 300 научных работ, около 280 опубликованы в печати, примерно половина их в большей или меньшей степени относится к медицинской психологии. Несколько десятков неизданных работ находятся в государственном архиве (ЦГАНТД СПб, ф.313).

Второй, после студенческого, период научной медико-психологической деятельности В.Н. Мясищева также был связан с учреждениями, руководимыми В.М. Бехтеревым. Он продолжался почти все 20-ые гг. В.Н. Мясищев даже был избран заведующим кафедрой рефлексологии Государственного института медицинских знаний (ГИМЗ; ныне Санитарно-гигиенический медицинский институт) после смерти В.М. Бехтерева (кафедру вскоре закрыли как носительницу «несоответствующих» научных представлений). Следует напомнить, что В.М. Бехтерев именовал психиатрию и медицинскую психологию «паторефлексологией». Положительной стороной рефлексологической концепции было, на наш взгляд, изучение «неврологии личности» и подчеркивание детерминизма, реальной жизненной обусловленности мыслей, поступков, эмоциональных переживаний и их нарушений, но имелось известное игнорирование колоссального разнообразия собственно психических явлений – процессов, свойств, состояний. Находясь под мощным влиянием В.М. Бехтерева, В.Н. Мясищев выполнял тогда исследования,

характерными из которых были: «О типичных вариациях опорно-двигательных рефлексов у человека» (Мясищев, 1925, 1, с.291-305), «О соотношении внешней и внутренней реакции» (Мясищев, 1926, 1, с.202-207), «Экспериментальные данные об объективных признаках нарушений чувствительности при истерии и в гипнозе» (Мясищев, 1929(б), с.458-479).

Особую главу медико-психологической деятельности В.Н. Мясищева по развитию объективного (психофизиологическими методами) изучения нервно-психических состояний составляют исследования, начатые им вскоре после смерти В.М. Бехтерева работой «О так называемом психогальваническом рефлексе и его значении в исследовании личности» (Мясищев, 1929(а), с.233-255) и завершенные через 15 лет капитальной докторской диссертацией (Мясищев, 1944, ч.1-3). Здесь он отказался от двигательной методики Бехтерева и использовал непроизвольный психогальванический рефлекс-феномен.

Следует сказать, что это был период перестройки научных основ психологии, перевод ее на диалектико-материалистические «рельсы». Различные силы в психологии и директивной идеологии воспользовались этим для того, чтобы отчасти «отменить» или принизить предшествующую немарксистскую отечественную психологию, отчасти приспособить ее достижения к нуждам марксистской философии, социологии и политэкономии. Психологические школы в медицине распались после смерти их лидеров, а новым поколениям врачей не хватало образованности в этой области, психологические исследования в медицине отошли в тень. В.Н. Мясищев, Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник, Р.А. Лурия, М.С. Лебединский, Г.Б. Абрамович, В.М. Коган и сравнительно небольшой ряд других исследователей своими трудами в эти годы поддерживали развитие психологии в медицине в нашей стране. В целом эти особенно сложные для научной и практической психологии времена продолжались практически до середины 50-х гг.

Тем не менее научное творчество В.Н. Мясищева в области медицинской психологии чрезвычайно многогранно и содержит обилие мыслей, идей, наблюдений. К сожалению, по разным причинам они не всегда излагались им в

законченной форме, поэтому от изучающего его творчество требуется особая сосредоточенность, вдумчивость и понимание эпохи, в которой создавались те или иные работы. Естественно не все работы равноценны и поэтому остановимся лишь на некоторых из них, которые можно отнести к ключевым или итоговым, чтобы по возможности отразить в отведенных объемах основное из вклада В.Н. Мясищева в развитие медицинской психологии.

Поскольку вопросы предмета и метода в психологии являются определяющими, то особый интерес представляет опубликованная В.Н. Мясищевым в начале 1933 г. работа «Задачи психофизиологического эксперимента в клинике нервных и душевных болезней» (Мясищев, 1933, с.118-125). По мнению автора, таких задач – три. Во-первых, эксперимент должен быть приемом экспериментальной диагностики, который углубляя и уточняя клинический метод, может разрешить особыми приемами то, что клиническим путем разрешить не удастся. Во-вторых, по В.Н. Мясищеву, эксперимент должен быть средством углубленного изучения болезненного состояния, а также выяснения причин и происхождения его. Здесь он отмечал, что задачи патогенетического эксперимента в области прямого воздействия на психофизиологическую динамику, создание и устранение таким путем болезненных явлений «еще отчетливо не осознанны». В-третьих, эксперимент должен служить доказательным средством динамики заболевания, в том числе учета результатов терапии. Имелся в виду широкий диапазон воздействий от физиотерапии до лечения трудом и психотерапии, и вообще «переделки личности». Как мы отчетливо видим, задачи эти остаются актуальными до настоящего времени.

В рассматриваемой работе В.Н. Мясищев коснулся также многих важных и актуальных до сих пор проблем психологии в «медицинской, педагогической и психотехнической практике». Осудив наблюдавшийся в предшествовавший период «методический фетишизм», заключающийся по его словам «в превращении эксперимента из средства в самоцель, с отрывом от общих задач исследования, с сужением и уродованием их рамками самой методики», он

призвал ставить вопрос о границах этого метода и комплексировании его с другими для успешного разрешения задач исследования и приближения его к жизни. В направлении этой «натурализации» эксперимент В.М. Мясищев видел следующие пути углубления связи с клиникой : во-первых, экспериментирование «натуральными» формами деятельности, «как, например, формами труда больных, играми, отдельными режимными моментами»; во-вторых, «на основе углубления и уточнения путем количественного анализа данных клинического наблюдения и естественного эксперимента в лаборатории».

Следующее положение В.Н. Мясищева заслуживает полного цитирования, так как практически является формулой построения психологического эксперимента: «...Эксперимент вырастает из жизни, и должен в особой постановке, а иногда даже, построив некоторую предварительную гипотезу, организовать в более или менее простых условиях аналогичный по структуре процесс, проверить предположение, внести в него поправки на основе опыта, опять проверить исправленную концепцию, изменить компоненты, входящие в процесс, пока не получится убедительного результата, на основе которого можно подойти к организации реального жизненного процесса и там в последней инстанции окончательно подтвердить предположение или направить новый заказ к эксперименту» (Мясищев, 1933, с. 120). Афористично звучит его формулировка «искусственное вскрывает натуру», но при этом В.Н. Мясищев подчеркивал, что для этого недостаточно одних лабораторных данных и необходимо систематическое дополнение их данными «натуральной жизни». Соответственно, отмечал он, раньше «мы имели скорее ряд экспериментальных стереотипных методик, которые применялись для изучения той или иной функции, того или иного нервно-психического процесса» (Мясищев, 1933, с. 121). То есть, для изучения памяти использовались, уточняет он, повторение чисел, слов, фраз; изучения внимания – корректура, при изучении умственной работоспособности – счетные таблицы Э. Крепелина и т.д. На самом же деле исследователь имеет дело не со статической функцией, а с динамикой

целостного процесса. «Более того, - утверждал В.Н. Мясищев, - следует не столько даже констатировать, диагностировать, сколько стремиться к переделке личности, а сама постановка диагноза проверяется на результатах мероприятий». «Конечно, такая единственно правильная, изредка в известной степени осуществлявшаяся позиция оказывается значительно более трудной, так как предъявляет гораздо больше требований к исследователю, который должен неустанно формировать диалектику исследовательского процесса на основе связи с диалектикой жизни» (Мясищев, 1933, с. 122), - признавал профессор психологии на основании своего 20-летнего опыта.

И далее В.Н. Мясищев изложил свое понимание проблемы отношения исследуемой личности в ситуации эксперимента. «Кривая работы представляет или кривую механизма – функцию, или кривую отношения. Отношение определяет функциональные возможности, заряжает механизм», - утверждал он и полагал даже, что ситуация определяет реакцию, а в центре ситуации стоит личность – ее отношение к задаче, к экспериментатору, к обстановке (Мясищев, 1933, с. 122).

В этой же работе В.Н. Мясищев коснулся проблемы соотношения формы и содержания, отметив, что вся старая «психологическая экспериментатика» страдает функциональным формализмом, а «рефлексологическое течение занималось формальной проблемой механизмов». Отметив необходимость целостного подхода, он затронул проблему связи качества и количества: «Количественные данные эксперимента связываются с качественными особенностями, а через последние – с качественными особенностями клинической картины». И, наконец, «большим местом» в вопросе изучения личности В.Н. Мясищев тогда считал систему понятий (заметим, что, пожалуй, в основном, в этой части психологической проблематики за прошедшие десятилетия наиболее заметны перемены и успехи).

Вопросам двух других важнейших методов психологии – наблюдения и расспроса – посвящена другая важнейшая работа В.Н. Мясищева того периода «Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза)» (Мясищев, 1930, с. 142-

169). Данная работа достаточно велика по объему, поэтому изложить ее содержание здесь не представляется возможным. Учитывая же ее значение, мы можем рекомендовать ознакомиться с ней всем специалистам, интересующимся проблемами персонологии и характерологии (к сожалению, переиздать ее до сих пор не удалось). Вопрос об анамнезе назван в статье вопросом о «сложной, опасной, сомнительной и, вместе с тем, необходимой и неизбежной методике и технике». Поскольку «личность — это динамический, множественно обусловленный, постоянно развивающийся процесс, в котором каждый данный момент уходит корнями в прошлое», то «поперечный разрез настоящего правильно раскрывается нами только по мере того, как мы разворачиваем клубок прошлого, его событий, условий связи личности с ними и ее реакций на них», — утверждается в работе далее. В ней затронуты проблемы как «субъективного», так и «объективного» анамнеза.

Значительный интерес в данной статье представляют суждения о соотношении и ценности методов психологического исследования. «Трудная проблема изучения личности требует использования всех существующих средств и выдвигает принципиальное положение о взаимодействии методов с организованным разделением труда, с отчетливым представлением о том, что каждый из методов вносит в изучение личности, и какие каждый из методов ставит проблемы для разрешения их другими. Так, эксперимент дает запросы наблюдению и, в свою очередь, аналитически дополняет и количественно определяет его данные. Так, наблюдение в настоящем неразрывно связывается с вопросами о прошлом, а прошлое дает понять скрытые динамические пружины поведения в настоящем» (Мясищев, 1930, с. 142-169). Далее отмечалось, что экспериментальный метод имеет огромное преимущество в области точного измерения и анализа: «однако синтетический охват проблемы ему, если и доступен, то в частичной форме, а для изучения генезиса человеческой личности применение его связано с труднопреодолимыми препятствиями и составляет важную задачу будущего развития эксперимента. Метод наблюдения в принципе является основным для поставленной проблемы. Опираясь более сложными

комплексами, он дает возможность более полного синтеза, но аналитические возможности его далеко отстоят от экспериментальных ». Однако, «особые и, пожалуй, реально непреодолимые трудности перед методом наблюдения возникают по отношению к тем сторонам личности, которые по сути своей могут раскрыться только на протяжении длительного времени (Мясищев, 1930, с. 142-169). Отсюда и вытекает все значение анамнестического метода.

Следует отметить, что именно в то время в США готовились к созданию опирающегося в значительной мере на анамнестический метод многопрофильного личностного опросника (MMPI), выросшего из американской традиции создания опросников как методов психологии, идущей от исследований Стэнли Холла 90-х годов XIX века. Этот методический прием, базирующийся на развитой статистике, явился как бы «третьим путем» изучения личности, имеющим свои недостатки, но и преодолевшим некоторые слабые места «классических» клинических методов – наблюдения и расспроса, а также более нового – экспериментального метода.

Оживление исследований в психологии в период «реконструкции» начала 30-х гг. дало возможность В.Н. Мясищеву расширить и углубить поиски в области теории личности, ее нормы и патологии. Надо сказать, что в условиях приоритетов того времени хорошую «услугу» ему оказали те, кто принял на идейное вооружение (на наш взгляд, кстати, не совсем точно переведенный) знаменитый еще недавно VI тезис К. Маркса о Людвиге Фейербахе : «Сущность человека есть совокупность общественных отношений». Думается, это обстоятельство помогло В.Н. Мясищеву возвратиться в научный обиход теоретические построения своего учителя А.Ф. Лазурского и известного философа и социолога, эмигрировавшего в 1920 г., Семена Людвиговича Франка об отношениях личности к себе и окружающей ее среде. В госархиве сохранился фундаментальный доклад В.Н. Мясищева «Проблема личности в психологии и психопатологии», с которым он выступил в июне 1935 г (Личный фонд В.Н. Мясищева. Центральный государственный архив научно-технической документации С.-Петербурга (ЦГА НТД СПб.), ф. 403, оп. 1. Ед. хр.. 39). Автор

подчеркивал: «...Личность человека рассматривается и характеризуется нами в первую очередь с точки зрения ее сознательных отношений к окружающей действительности, в отличие от обычного понимания, рассматривающего ее как систему функций». Таким образом, к середине 30-х годов В.Н. Мясищевым сформулирована собственная концепция психологии личности и методов ее изучения и воздействия на нее в целях лечения или воспитания. На этой основе уже тогда был выполнен ряд интересных, практически важных исследований (Мясищев, 1934, с. 5-19; Мясищев, 1935, с.9-10, 167-178; Мясищев, 1936, с. 3-21).

К сожалению, последующие исторические события затормозили нормальное развитие научных исследований в области психологии даже в тех рамках, в которых они протекали в 30-е гг.

Великая Отечественная война, принеся нечисленные жертвы и страдания, дала, вместе с тем, новый материал для научного осмысления, например, неврологических основ личности (в частности, на модели контузий и огнестрельных ранений головного мозга), обогатила представления о серьезнейшей роли отношения в реальной жизни, в частности, любви к отечеству, в борьбе народа с вооруженным нашествием и т.п. В.Н. Мясищев, руководивший в блокированном Ленинграде Институтом имени В.М. Бехтерева, в то время специализированного госпиталя, обобщил свои наблюдения и опыт работы вскоре после войны в ряде интереснейших публикаций (Мясищев, 1947, т.2, с.71-74; Мясищев, 1948, с.133-147).

Дальнейшие государственно-идеологические процессы в послевоенный период способствовали резкому принижению научной психологии и прикладных ее отраслей, подмене ее физиологическим учением о высшей нервной деятельности акад. И.П. Павлова, умершего еще в 1936 г. На самом высоком уровне проводились инструктивные по характеру «совещания» с целью новой перестройки психологии, перевода ее на малопродуктивную для этой науки физиологическую почву. Об атмосфере таких совещаний можно судить хотя бы по реплике с пристрастием из президиума в адрес выступавшего В.Н. Мясищева на объединенном заседании Президиума АМН и Пленума Правления

Всесоюзного общества невропатологов и психиатров в октябре 1951 г.: «Где вы локализуете свои отношения личности?» (Физиологическое учение, 1952, с. 385-389).

Только после общеизвестных событий 1953 г. началось возрождение научной психологии в нашей стране. В частности, начал издаваться журнал «Вопросы психологии», где ведущие психологи страны выступили с итоговыми и программными статьями. В 1956 г. В.Н. Мясищев опубликовал там многогранную работу «О значении психологии для медицины» (Мясищев, 1956, 3, с.3-15), в которой, однако, еще ощущается сильное влияние предшествовавшего «павловского» периода. Можно сказать, что физиологический редукционизм психологии в медицине был преодолен лишь в начале 60-х гг. после еще одного «совещания» в октябре 1962 г. (Мясищев, Тонконогий, 1963, 3, с.176-180).

То есть, только около 30 лет назад сложились более реальные условия для развития всех отраслей научной психологии, в том числе медицинской. Так, при АМН СССР была создана проблемная комиссия «Медицинская психология», которую он возглавлял около 10 лет. Были созданы факультеты психологии, готовящие кадры, в том числе психологов для медицины, и другие организации психологов. Тогда же стали появляться на основании многолетних наработок психологов их фундаментальные монографии, в частности руководство В.Н. Мясищева «Введение в медицинскую психологию», написанное им совместно с М.С. Лебединским, стало настольной книгой уже для нескольких поколений специалистов (Мясищев, Лебединский, 1966).

Здесь же для освещения взглядов В.Н. Мясищева на проблемы медицинской психологии в конце его творческого пути остановимся на малоизвестной, небольшой, но содержательной работе «Проблемы, методы и значение медицинской психологии» (Мясищев, 1967, с.30-33). Медицинская психология, по мысли автора, это широкий комплекс всего того, что «может отразиться положительно или отрицательно на психическом здоровье человека, и то, что через психику может отразиться на его соматическом состоянии». То

есть, предметом медицинской психологии являются этиология и патогенез психогений и соматогений, а также предупреждение и лечение их. Однако этим предметом медицинской психологии, по В.Н. Мясищеву, не исчерпывается. Изучение психологических факторов соматической патологии, заболеваний мозга, связи психики с соматикой в процессах биологической, в частности, фармакотерапии, а также психотерапии, разработка теории управления поведением в норме и патологии – вот те направления медицинской психологии, которые неизменно выделял В.Н. Мясищев в последние годы жизни.

Заметим, что В.Н. Мясищев одним из первых среди своих современников – крупнейших отечественных психологов, работавших в медицине, понял необходимость изучения психических и социально-педагогических факторов патологического развития личности (включая раннее детство) в контексте учения о психогениях и соматогениях. При этом В.Н. Мясищев подчеркивал, что психогении не исчерпываются традиционной областью психоневрологии, но имеют широкое распространение и в области соматических заболеваний (Мясищев, 1971, с.5-9). Причем предпочтение следует отдавать не потрясениям или острым психическим травмам, а особенностям личности больного и той длительной патогенной ситуации, которая предшествовала болезни и сопровождает ее. Тем самым В.Н. Мясищев демонстрировал свое оригинальное видение психосоматических соотношений, предсказал бурное развитие этого направления в медицине и психологии, которые мы сегодня наблюдаем.

В этой связи ученый неоднократно отмечал значение психодиагностики, особенно в тонких вопросах предболезни и начальных проявлений заболевания, когда умение отличать больного от здорового играет решающую роль в программах профилактики и лечения. При этом В.Н. Мясищев придавал особое значение умению «связывать проявления здоровой или больной психики не только с условиями среды, но и с особенностями личности» (Мясищев, 1971, с.7].

Следует добавить также, что В.Н. Мясищев считал «актуальными задачами» этой новой науки внедрение в клинику методических достижений нормальной психологии и смежных дисциплин – психофизиологии,

электрофизиологии, психофармакологии. «Очередными задачами, - по его мнению, - здесь являются разработка методов изучения эмоциональности, социальной психологии применительно к больным и их коллективам, исследования личности, ее диагностики, отношений и взаимоотношений в их психологической и патогенетической роли и в их связи с функциональными механизмами» (Мясищев, 1967, с. 31]. И снова, через треть века В.Н. Мясищев подчеркнул необходимость использования в работе психолога «реального естественно-экспериментального метода».

Кроме того им отмечалась роль математической статистики в объективировании клинических методов диагностики, необходимость приложения достижений бурно развивавшихся в 60-е гг. теорий информации и кибернетики к проблемам разработки новых методов психологической диагностики. Последнее обстоятельство особенно важно подчеркнуть именно в этой статье. В.Н. Мясищев в своих медико-психологических работах, говоря о необходимости тщательного исследования личности больного, психологического диагноза личности на основе индивидуально-исторического принципа, очень скупое отражал свою точку зрения на проблемы психодиагностики, как неотъемлемой составной части научной психологии и медицинской, в частности. Вместе с тем, ученый одним из первых не только по достоинству оценил, но и открыто уже во 2-ой половине 50-х гг. поддержал в печати и в выступлениях возможности и преимущества стандартизированных (тестовых) методов исследования. Во многом благодаря В.Н. Мясищеву в Институте им. В.М. Бехтерева, в Ленинградском университете, а затем и в других учреждениях страны появились известные тестовые методики (ТАТ, тесты Векслера, Роршаха и др.), началась работа по их адаптации. Подчеркивая значение экспериментально-психологического исследования в медицинской психологии, В.Н. Мясищев, между тем, предупреждал своих увлеченных учеников, а с ними и всех, работавших в этой области, что эксперимент «регистрирует лишь поперечник психики или личности в текущем моменте ее жизни. Реакции же личности в настоящем обусловлены историей развития в

прошлом и перспективами будущего» (Мясищев, 1971, с.7). В то время, когда возможности тестовых методик исследования личности, таких как ТАТ, Роршах, ММРІ и др., еще не были хорошо изучены, В.Н. Мясищеву представлялось, что такого рода инструменты мало пригодны для индивидуальной диагностики личности. И его осторожность опытного клинициста можно понять. Но уже тогда, более 20 лет назад, ученый был убежден, что тесты незаменимы для массовых обследований, ориентировочной экспресс-диагностики и статистической обработки. Медико-психологическая практика наших дней полностью подтверждает незаменимость использования тестов для скрининговых исследований, выявления групп риска пограничных нервно-психических и психосоматических расстройств и т.п.

В период, когда противоречия между сторонниками тестовой и нетестовой диагностики в нашей стране были особенно непримиримы, а дискуссии носили подчас ожесточенный характер, В.Н. Мясищев считал необходимым подчеркнуть обязательность комбинирования стандартного и нестандартного исследования, сочетания экспериментальных и неэкспериментальных методов (Мясищев, 1971, с.5-9). Ученый хорошо понимал сложность и ответственность работы клинического психолога, несводимость ее только к умению тестировать и констатировать результаты. Психолог, особенно работающий с больными, должен уметь наблюдать, правильно оценивать не только результаты экспериментального исследования, но и всего многообразия проявлений личности в прошлом и настоящем. Свое кредо В.Н. Мясищев изложил в одной из своих последних статей «Персонология, психология и медицина» (1971), которую редколлегия специально публикует еще раз в этом сборнике, полагая, что комментировать ее излишне, настолько очевидными в настоящее время представляются положения, которые он выдвинул в самом начале признания психодиагностики личности и самостоятельного значения психолога в медицине.

Неустанно подчеркивая важнейшую роль личности в происхождении, течении и исходе различных заболеваний, называя ее в конце жизни «высшим в

психике человека образованием», В.Н. Мясищев призывал к глубокому изучению роли личности больного в клинической медицине и широкому учету в практическом здравоохранении. Ученый пришел к выводу, что основными свойствами личности являются сознательность, социальность и самостоятельность (Мясищев, 1972, с. 41-46). Там же к числу важнейших сторон личности им были отнесены эмоциональность, темперамент, интеллект. Выше мы уже говорили о том значении, которое В.Н. Мясищев придавал отношениям личности, которые рассматривал «как интегральный, самостоятельный и важнейший параметр личности» (Мясищев, 1967, с. 32). «Степень активности и степень избирательного доминирования служат мерой как нормального, так и болезненного отношения», - утверждал он там же, уточняя, «что болезненные отношения связаны с неадекватной парабактериальной доминантностью отношения в одновременности (односторонности) и в последовательности (зафиксированности)». В связи с этим важнейшей задачей, по В.Н. Мясищеву, является «изучение психических функций и отношений в их единстве и в спиралевидном характере их эволюционной взаимосвязи» (Мясищев, 1967, с.30-33). « Эти свойства, так же как и другие психические свойства и особенности человека, не могут не иметь в ряде случаев большого значения в происхождении и течении заболевания, и лечение, не учитывающее их, не достигает успеха», - убежденно писал он на основании своего полувекового врачебного опыта (Мясищев, 1972, с.44). И далее там же он сделал важный теоретический вывод: «Синтетическое понимание больного и болезни выдвигает требование заменить понятие «нервизм» понятием «психоневроз», объединяющим нервные и психические влияния в их единстве».

В научно-исследовательском плане заслуживает большого внимания, по В.Н. Мясищеву, психотерапия, как особая группа методов медицинской психологии, а именно – методов психологического воздействия. Здесь, считал он, необходимо психологическое изучение всех методик психотерапии, «изучение перестройки нарушенных отношений больного как медико-психологического метода» (Мясищев, 1967, с.33), важна разработка методов

исследования особенностей личности в их влиянии на эффект психотерапии, изучение психологических механизмов психотерапии, трудовой и восстановительной терапии, использование богатого опыта гипнологии для изучения бессознательного, а также внимательное изучение плацебо-эффекта как метода учета роли психики во всех лечебных мероприятиях (Мясищев, 1967, с.30-33) Им постоянно подчеркивалась важность внимания к проблемам взаимоотношений врача и больного, особенно в связи с психотерапией.

И, наконец, большое внимание В.Н. Мясищев уделял таким актуальным и емким проблемам медицинской психологии как психогигиена и психопрофилактика. В этом направлении, считал он, речь должна идти преимущественно об учете роли психического фактора в укреплении здоровья, предвидении и предотвращении психических вредностей, и предметом исследования здесь является проблема «нормального или болезненного психосоциогенеза» (Мясищев, 1967, с.33). Поэтому здесь велика роль психологических методов в психолого-социологическом исследовании, в социально-бытовых и психолого-педагогических исследованиях трудовых процессов, в реконструкции социально-бытовых условий.

Собственная клиническая практика В.Н. Мясищева, как известно, протекала в основном в клинике неврозов и психотерапии. «Источником невроза и физиологически, и психологически, - считал он, - являются трудности или нарушения во взаимоотношениях человека с людьми, социальной действительностью и задачами, которые перед ним ставятся этой действительностью» (Мясищев, 1960, с. 419). Неврозы, по В.Н. Мясищеву, выступают как выражение противоречия между тенденциями и возможностями личности, требованиями человека, его внешними и внутренними возможностями и требованиями жизни, с которыми встречается человек. Психотерапия здесь является, полагал он, столько же методом лечения, сколько и методом перевоспитания личности, основанном на понимании патогенеза. В этой области В.Н. Мясищев был ведущим, непревзойденным Мастером в нашей стране на протяжении полувека. Этот грандиозный пласт его деятельности требует

отдельного освещения и анализа, так как в нем синтезированы в сложном сплаве теория и практика, принципы и методы психологии в медицине.

Работал Владимир Николаевич до последнего дня в своей жизни. Надо отметить, что он внезапно тяжело заболел именно во время чтения лекции по медицинской психологии студентам-психологам из Ленинградского университета в созданном им еще в 20-е гг. отделении неврозов и психотерапии Института им. В.М. Бехтерева. И через считанные часы, 4 октября 1973 года, его не стало.

Естественно, в короткой статье невозможно даже лаконично осветить и, тем более, проанализировать все стороны многогранного творчества В.Н. Мясищева в области медицинской психологии. В связи с тем огромным богатством, которое содержит его наследие как врача-практика и психолога-теоретика, было бы полезно переиздать хотя бы основные труды В.Н. Мясищева, чтобы у коллег было больше возможности читать написанное им в разные периоды его жизни. И этому есть хорошие предпосылки. Так, в упомянутом архиве ЦГАНДТ Санкт-Петербурга хранятся полностью подготовленные В.Н. Мясищевым перед кончиной ко 2-му исправленному и дополненному изданию рукописи «Личность и неврозы» и «Введение в медицинскую психологию». К сожалению, уже два года не выходит в свет в московском издательстве «Педагогика» составленный В.А. Журавлем том избранных трудов В.Н. Мясищева «Психология отношений». Уверены, что усилия по переизданию трудов В.Н. Мясищева окупятся сторицей и новые поколения психологов и врачей узнают и по достоинству оценят выдающийся вклад Ученого, во многом опередившего время, в нашу науку.

Литература

Журавель В.А. Роль А.Ф. Лазурского в создании отечественной медицинской психологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1977, 6, 920-923.

Журавель В.А. Из истории Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева, 1992, 4, 153-158.

Личное «дело» студента В.Н. Мясищева. Государственный исторический архив в СПб, фонд 115, опись 2, ед. хранения 6619.

Личный фонд В.Н. Мясищева. Центральный государственный архив научно-технической документации С.-Петербурга (ЦГАНТД СПб.), ф. 403, оп. 1, ед. хр. 113.

Мясищев В.Н. Научно-характерологический анализ литературных типов // Вестник психологии, 1914, 3, 45-66; 4-5, 43-53

Мясищев В.Н. О типических вариациях сочетательно-двигательных рефлексов у человека // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. М.- Л., 1925, 1, 291-305.

Мясищев В.Н. О соотношении внешней и внутренней реакции // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. М.-Л., 1926, 2, 202-207.

Мясищев В.Н. О так называемом психогальваническом рефлексе и его значении в исследовании личности // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Сборник 3-й. М.-Л., 1929а, 233-255.

Мясищев В.Н. Экспериментальные данные об объективных признаках нарушений чувствительности нервной системы при истерии и в гипнозе // Новое в рефлексологии и физиологии Сборник 3-й. Л., 1929б, 458-479.

Мясищев В.Н., Феоктистова Е.П. Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза). Труды Института им. А.И. Герцена. Л., 1930, 142-169.

Мясищев В.Н. Задачи психофизиологического эксперимента в клинике нервных и душевных болезней // Психофизиологический эксперимент в клинике нервных и душевных болезней. Л., 1933, 118-125.

Мясищев В.Н. Работоспособность и болезни личности // Невропатология, психиатрия и психогигиена, 1935, 9-10, 167-178.

Мясищев В.Н. Личность и труд аномалийного ребенка // в кн.: Психические особенности трудновоспитуемых и умственно-отсталых детей. Л., 1936, 3-21

Мясищев В.Н. Электрокожные показатели нервно-психических состояний у человека. Ч. 1-3. Л., 1944. (Докторская диссертация).

Мясищев В.Н. Личность ребенка-невротика // В кн.: Дети психоневротики и учебно-воспитательная работа с ними. Л., 1944, 5-19.

Мясищев В.Н. Психогенез и психотерапия нервно-психических нарушений при боевых травмах мозга // Ученые записки Московского государственного университета им. Ломоносова (психология), 1947, в. 111, т. 2, 71-74.

Мясищев В.Н. Психологическое значение военного психопатологического опыта // Проблемы психологии Л., 1948, 133-147.

Мясищев В.Н. О значении психологии для медицины // Вопросы психологии, 1956, 3,

3-15.

Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.

Мясищев В.Н., Тонконогий И.М. Отчет о совещании по методам исследования в патофизиологии высшей нервной деятельности человека и медицинской психологии (Ленинград, октябрь 1962) // Вопросы психологии, 1963, 3, 176-180.

Мясищев В.Н., Лебединский М.С. Введение в медицинскую психологию. Л., 1966.

Мясищев В.Н. Проблемы, методы и значение медицинской психологии // Психологические методы исследования в клинике. Л., 1967, 30-33.

Мясищев В.Н. Персонология, психология и медицина // Клинико-психологические исследования личности. Л., 1971а, 5-9.

Мясищев В.Н. Персонология, психология и медицина // Клинико-психологические исследования личности. Материалы симпозиума. Л., 1971б.

Мясищев В.Н. Психология и медицина // Роль психического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М., 1972, 41-46.

Мясищев В.Н., Журавель В.А. На пути создания психологической теории личности. (К 100-летию со дня рождения А.Ф. Лазурского) // Вопросы психологии, 1974, 2, 32-42.

Физиологическое учение И.П. Павлова в психиатрии и невропатологии. М., 1952, 385-389.

Центральный государственный архив научно-технической документации СПб. (ЦГАНТД), ф. 403, оп. 1, ед. хр. 39.

Центральный государственный архив научно-технической документации СПб. (ЦГАНТД), ф. 313.

V.N. MYASISHCHEV AND MEDICAL PSYCHOLOGY

© 2019 Wasserman L.I., Zhuravel V.A.

Abstract: The article is devoted to the role of an outstanding figure in the field of medical psychology, Vladimir Nikolaevich Myasishchev. The issues of the subject and method in psychology are described, its contribution to the definition of the subject and method in psychology, the development of the theory of constructing a psychological experiment, as well as in clinical and psychotherapeutic practice. The statement that the creative heritage of V.N. Myasishchev remains relevant to date.

Keywords: Myasishchev, medical psychology, theory of experiment, creative heritage

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ФИЛОСОФИИ *

© 2019 г. В.А. Карачунский *

* специалист, врач БСМП г. Мариуполь

e-mail: vkarachynsky@ukr.net

Аннотация: Теория функциональных систем открывает новые возможности для понимания дуализма философии, проблемы взаимосвязи материи и движения, соотношения процессов отражения и взаимодействия.

Ключевые слова: функциональная система, материя, движение, отражение, взаимодействие.

ВВЕДЕНИЕ

Специалист по философским вопросам естествознания Э.М. Чудинов справедливо обращал внимание: «У специалиста, работающего в области физики, часто возникает иллюзия полной независимости его научной деятельности от философии. Это происходит вследствие того, что он входит в уже готовое здание научной теории с присущим ей стилем научного мышления, и через стиль научного мышления воспринимает определенные философские принципы. Эти философские предпосылки научной теории не всегда ясно осознаются учеными, но от этого они не перестают быть философскими» (Чудинов, 1974, с. 300). Философия это система рассуждений объединяющая все существующие знания, однако в ней изначально заложена двойственность восприятия действительности, когда одно и тоже явление мы можем рассматривать как проявление объективной реальности и как феномен субъективного восприятия. Преодоление дуализма в рассмотрении окружающего мира является центральной проблемой теории познания и философии в целом. Среди множества подходов к созданию теории познания психофизиология занимает особое место, поскольку объединяет философский

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01075 «История становления предпринимательства в России»

(субъективный) и экспериментальный (объективный) способы анализа действительности, являясь идеальной точкой отсчета для создания теории познания. Настоящая статья ставит перед собой задачу показать теорию функциональных систем в качестве инструмента для решения актуальных проблем философии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формально в философии существует множество концепций теории познания, однако реальных вариантов не так много и все они группируются вокруг идеалистического и материалистического способов рассуждения. Расхожее мнение, что материализм и идеализм по-разному понимают приоритет материального и идеального начал в природе, вуалирует существо вопроса. Разделение философии на материализм и идеализм имеет в своей основе различие в отношении наблюдателя к временному континууму. Материалист берет за основу статику - действительность в настоящем времени, поэтому существование устойчивых форм окружающего мира становится для него аксиомой. Идеалист рассматривает фрагмент настоящего времени в динамике, от прошедшего к будущему, то есть в парадигме движения. Однако, на первых этапах развития познания, различное отношение к временному континууму не замечается и это приводит к появлению противоречий. Материалист анализирует мир со стороны, от имени некого, идеального субъекта, при этом сам субъект и его психический мир выводятся за рамки рассуждений. Идеалист наоборот, размещает субъекта внутри системы рассуждений и рассматривает его как объект взаимодействия с окружающим миром, силы которого формируют в сознании виртуальную модель, соответственно текущий момент становится для него не точкой отсчета, а эпизодом всеобщего движения. Разность в исходной позиции «Я» относительно системы рассуждений обуславливает различие аксиоматики. Основное, принимаемое без доказательств положение материализма, это утверждение о существовании материи, при этом суть движения не объясняется, а трактуется как свойство материи (атрибут). Основной аксиомой идеализма является представление о некой силе, создающей

образы сознания. Проекция данной силы за пределы сознания предполагает не только образы сознания, но и природу в целом результатом ее активности, однако объяснить сущность материи, с точки зрения данной силы, становится затруднительным. Различие в положении точек отсчета приводит к формированию двух равноценных аксиом - «материя» и «движение», которые порождают конкурирующие системы рассуждений. Собственно, все «вечные» проблемы философии имеют в своей основе дуализм изначальной аксиоматики, который необходимо решать в парадигме теории познания.

Классический пример идеальной философии учение Платона, где действительность рассматривалась в парадигме движения, как проекция идей - сил внешнего мира, в соответствии с чем образы сознания трактовались как «тени на стенах пещеры» (Можейко, 2001, с 283). Проблему материальности Платон решал признанием существования мира идей, где идея понималась как некая, активная сущность, способная воплощаться в окружающей природе, но это стало не столько объяснением понятия «материя», сколько сменой терминологии.

Не смог избежать двойственности аксиоматики Р. Декарт. Рассматривая природу с позиций механического движения он, для анализа взаимодействия живого организма с окружающим миром, предложил концепцию рефлекса. Идея рефлекса в картезианстве, несмотря на ее универсальность для понимания организации мозговых процессов, не объясняла избыточную активность человека по отношению к окружающей действительности, поэтому наряду с основополагающим понятием «материя» Декарт был вынужден использовать дополнительное понятие «Бог», имевшее значимость источника целенаправленного движения в природе. Фактически, Декарт предложил две философии, одна берет за основу материю (материальная субстанция), а вторая движение, которое выражает направленность природных процессов (духовная субстанция) (Алексеева, 2001, с 276).

Одно из наиболее перспективных решений проблемы познания было предложено Гегелем. Анализ природы в парадигме движения приводит к

отчуждению «Я», когда субъект начинает рассматриваться как некая внешняя сила — абсолютная идея, соответственно вопрос о строении и участии субъективного «Я» не детализируется и принимается в форме аксиомы, как данное. Тем не менее, учение Гегеля предлагает модель субъекта, но в крайне отвлеченной, завуалированной форме в качестве законов диалектики (Гегель, 1977). Замечательно, что законы диалектики позволяют уйти от двойственности аксиоматики в философии, поскольку разбивают движение на порции, где единство и борьба противоположностей способ описания материи на языке движения. Если законы диалектики рассматривать применительно к функционированию мозга, то «единство противоположностей» следует трактовать как функциональную систему, которая меняется под воздействием сил природы - «переход качества в количество» и приобретает новые качества, «отрицание отрицаний».

Поскольку активность «человека-субъекта» Гегель рассматривает в контексте активности «Бога-субъекта», значимость знания, как программы взаимодействия с природой, обесценивается. С одной стороны, любое действие человека не является совершенным (абсолютно непогрешимым в теоретическом плане), а с другой стороны, бесконечный поиск ускользающего решения предполагает полную пассивность субъекта. Иными словами, если поведением субъекта руководит абсолютная идея, то его собственная активность входит в конфронтацию с этим процессом. Забегая вперед следует отметить, «Я» физически не может быть вне субъекта, поэтому оба положения «Я», относительно системы рассуждений, имеют своим следствием разные состояния сознания, но ясно представить это можно только на основании изучения закономерностей функционирования мозга и организма в целом. Попытки разобраться в данном материале средствами философии приводят к трансцендентализму - стремлению доказать преимущество точки зрения «Я-субъективного» над «Я-отчужденным», что в перспективе приводит к противопоставлению логики диалектической и формальной, разума и рассудка.

Диалектический материализм изначально анализирует окружающий мир с

точки зрения внешнего наблюдателя и традиционно игнорирует двойственность «Я», однако второй наблюдатель - «Я-субъективное», незримо присутствует в диамате как движение, причем избавиться от данного «атрибута материи» невозможно, поскольку изначально объективная реальность это движение - продукт восприятия внешнего мира и только во вторую очередь материя (устойчивые формы движения). Тем не менее, диамат статус первичности присваивает материи, что приводит к парадоксальному представлению о возможности ее существования без движения. Понимая невозможность изолированного рассмотрения материи и движения Ф. Энгельс писал: «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, соответственно в более высокие формы" (Энгельс, 1934, с 130).

Завуалированная двойственность «Я» привела к компромиссу, позволило Ф. Энгельсу предложить материалистический вариант абсолютной идеи Гегеля, где природа рассматривается как последовательное формирование уровней движения элементарных форм материи: механический, физический, химический, биологический и социальный (Лосев, 1972, с. 671).

Неопределенность в понимании взаимоотношений материи и движения сохранялась в течение всего периода существования советской философии. Например Б.Я. Пахомов, анализируя проблему движения в контексте эволюции, пишет: «В глобальных масштабах конечным результатом развития выступает возникновение иерархии структурных уровней материи и соответствующих форм движения. Следовательно, развитие и есть процесс возникновения предпосылок, а затем и образования иерархии структурных уровней материи и форм её движения» (Пахомов, 1983). Аналогичную точку зрения находим у Б.М. Кедрова: «Для более полной характеристики взглядов Энгельса на формы движения материи нужно отметить одно исключительно важное обстоятельство.

Каждую форму движения он сопоставляет с присущим ей особым материальным носителем – видом материи, способом существования которого является данная форма движения» (Кедров, 1971, с 328).

Как видим, и материалисты, и идеалисты понимали природу как динамическую систему, в которой прямо или косвенно присутствуют два «Я», однако объединиться на этой основе они ни не могли, поскольку пытались доказать преимущество одного из подходов. Современные представления об организации мозга теоретически позволяют решить данную проблему, однако на практике этому мешает соподчиненное положение нейрофизиологии по отношению к философии, а философы традиционно не обладают достаточными познаниями в вопросах организации и функционирования мозга. Положение дел стало меняться с появлением психофизиологии.

Идея взаимосвязи психического и телесного была высказана многими философами еще в античном мире. Более высокий уровень представлений по данному вопросу связан с развитием зарубежной и отечественной психиатрии (Пинель, В.Х. Кандинский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев), теория которой стала первым опытом создания нейропсихологии. Особую значимость для решения философских вопросов познания имеют труды И.М. Сеченова, который, к примеру, утверждал, что «мысль — это рефлекс с задержанным концом» и И.П. Павлова, который анализировал мозговую деятельность с точки зрения поведения. Учение Павлова было основано на рефлекторной теории, где поведение анализировалось как динамическая система, уравнивающая факторы внешней среды. Для характеристики процессов в нервной системе Павлов использовал понятие «динамический стереотип», что по сути является объяснением материальности в контексте равновесия с внешней средой, поскольку повторяющиеся формы движения устойчивы в пространстве и времени (Уэллс, 1959, с 380). С появлением теории функциональных систем, тенденция к объяснению материальности в парадигме движения стала еще более очевидной: все процессы организма, в том числе «сенсорный поток» и «поток поведения» стали анализироваться в форме периодических процессов.

Материалы изучения поведения животных показали существование двух уровней поведения, которые Павлов обозначил как первая и вторая сигнальные системы. Первую сигнальную систему Павлов рассматривал как начальный уровень адаптации в окружающей среде, основу которого составляет опыт, приобретенный в режиме настоящего времени методом проб и ошибок. Формирование рефлекторной сферы предполагает своеобразную модель окружающего мира (в форме противодействия силам природы), на что обращает внимание П.К. Анохин: «Формулируя условный рефлекс как предупредительную функцию, т. е. функцию приспособления животного к грядущим событиям, И.П. Павлов тем самым ввел в физиологию третью категорию времени — будущее. Отныне будущее в жизни организмов стало предметом такого же объективного научного исследования, как две другие категории времени. Таким образом, открытие условного рефлекса было событием огромной важности для физиологии. В этом лежит одна из причин огромного успеха изучения поведения животных под этим углом» (Анохин, 1978, с. 25).

По мере усложнения организации нейронной сети формируется вторая сигнальная система, которую И.П. Павлов характеризовал следующим образом «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестетические раздражения, идущие в кору от речевых органов есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет ... специально человеческое мышление, и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом». Необходимо обратить внимание, вторая сигнальная система формируется на базе более древней и полностью самостоятельной системы управления организмом, то есть расширяет функциональные возможности первой сигнальной системы, которая в этом тандеме остается ведущей.

Сопоставление явлений психического мира с логикой функционирования

нейронной сети позволяет объяснить феномен двойственности положения «Я» в системе рассуждений как результат последовательной активацией первой и второй сигнальных систем. В учении Павлова, точкой отсчета в анализе развития и функционирования мозга является развитие поведенческой сферы, из чего следует понимание живого организма в контексте эволюции природы, как фрагмента всеобщего движения. Процесс непосредственного взаимодействия с внешней средой происходит в настоящем времени, посредством проб и ошибок и может рассматриваться как своеобразное внешнее мышление, «ручное мышление» по определению Павлова. Параллельно с усложнением поведения развивается сенсорная часть мозга, центр которой в гиппокампе начинает выполнять функции сознания — суммировать сенсорную информацию и активировать соответствующую программу поведения (Карачунский, 2003, с. 81). Несмотря на то, что в архаичной нервной системе, центром которой является первая сигнальная система, отсутствует сознание и мышление в привычной для психологии форме, она функционирует как полноценный мозг. Функция мышления представлена в ней ориентировочным рефлексом — особая форма поведения, которая методом проб и ошибок комбинирует существующие и вырабатывает новые программы поведения. Несовершенство программ поведения приводит к постоянной активации ориентировочного рефлекса, что приводит к усложнению поискового поведения и падению его эффективности в качестве внешнего мышления. Избыток двигательной активности ориентировочного рефлекса направляется в кору мозга, где формирует внутреннее мышление и поскольку удельный вес внутреннего мышления в общей массе активности ориентировочного поведения растет, его воздействие на сознание становится определяющим. Происходит то самое снятие о котором говорил Гегель, подавление основной массы сенсорных воздействий и эволюция виртуального пространства под влиянием ориентировочного рефлекса. Таким образом, две последовательные фазы активности ориентировочного рефлекса формируют две модели окружающей действительности и две, соответствующие им логики поведения, в настоящем и будущем времени. Кроме того, поскольку

мышечная система методом проб и ошибок настраивается на изменения внешней среды, ее активность невольно начинает отражать законы природы, которые становятся определяющими не только для первой, но и для второй сигнальной системы.

Логика познания в контексте взаимодействия первой и второй сигнальных систем выглядит следующим образом. Первично основой мировоззрения субъекта является активность первой сигнальной системы, восприятие действительности как движение материи в настоящем времени. Теоретическое оформление данного мировоззрения происходит посредством активности второй сигнальной системы, что предполагает модель окружающего мира в его динамике - будущем времени, однако изначальное представление о первичности материи сохраняется. Таким образом, формируется материалистическая философия, где «Я-отчужденное» расположено в стороне от виртуальной модели бытия, а движение материи становится самоочевидным. В этом аспекте необходимо уточнить, «Я» это проявление активности ориентировочного рефлекса и поскольку моторный мозг расположен изолированно от сенсорного, его активность воспринимается как внешняя сила и создает иллюзию «объективного наблюдателя», находящегося за пределами виртуального пространства.

Развитие материалистической модели предполагает перемещение точки отсчета активности «Я» внутрь системы рассуждений, где оно начинает позиционировать себя в качестве того или иного объекта и это приводит к появлению дискретной модели природы (системное движение элементарных субстанций). Появление идеалистической философии связано с тем, что «Я» начинает рассматриваться не просто в качестве точки отсчета внутри виртуальной модели, а в качестве объекта взаимодействия. В этом контексте материальные тела начинают анализироваться в парадигме движения, как образы сознания, в соответствии с чем аксиома «материя» переформируется в аксиому «движение».

В плане нейропсихологии познание это процесс адаптации организма к

окружающей среде, в котором различаются два этапа - материальная фаза, направленная на реализацию врожденного и приобретенного опыта в форме программ поведения (настоящее) и идеальная фаза — выработка новых программ поведения как мысленное развитие «снятой» виртуальной модели (будущее). Признание первичным материи позволяет находить точки опоры, необходимые для реализации поведения человека в окружающей его среде. Рассматривая материю с точки зрения движения мы разрушаем существующую систему материальных точек и создаем новую, что становится прецедентом для подготовки программ внешней активности, которые обеспечат адаптацию поведения человека к будущим реалиям окружающей действительности. Иными словами, материализм и идеализм «две стороны одной медали» — материализм действует и думает, а идеализм думает и действует. Собственно взаимосвязь антагонистичных систем рассуждений была показана в диалектической логике, однако сделано это было не в доказательной, а в описательной форме. Психофизиология позволяет уточнить идеи Гегеля: процесс познания это практика, которая не может существовать без теории, поскольку существующие формы взаимодействия человека с окружающей природой нуждаются в постоянной адаптации к новым условиям.

Теория функциональных систем П.К. Анохина была значительным шагом в объединении нейрофизиологии и философских проблем познания, однако необходимость считаться с доминирующим положением диамата в отечественной науке и специфичность терминологии, делает этот материал, в значительной мере, не востребованным для философии. Определяя место теории функциональных систем в системе рассуждений Анохин, подобно Павлову, рассуждает в парадигме движения: «Пространственно-временная структура мира является тем фундаментом, на котором первичная жизнь приобрела свои основные свойства, а живые существа приспособительные качества» (Анохин, 1978, с. 7). Иными словами, Анохин рассматривает материальность как продукт эволюции, где устойчивые формы проявления периодичности процессов природы: «Основой развития жизни и ее отношений к внешнему миру являлись

повторяющиеся воздействия этого внешнего мира на организм. Именно эти воздействия как результат изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира обусловили собой всю анатомическую организацию и приспособительные функции первичных живых существ. В этом отношении организация живых существ представляет собой в подлинном смысле слова отражение пространственно-временных параметров их конкретной среды обитания» (Анохин, 1978, с. 13). Следует обратить внимание, аналогичный способ рассуждений привел к пересмотру классической физики и появлению теории относительности. Ньютон рассуждал в материалистической парадигме, анализировал пространство с точки зрения взаимодействия материальных тел. Эйнштейн использует идеалистический способ рассуждений — «наблюдатель» в теории относительности располагается в сознании субъекта, которое рассматривается как физический объект, свойства которого определяются особенностями взаимодействия с окружающим пространством. Как следствие, все физические величины, данные нам как образы сознания, обретают статус объективных явлений природы и попадают в зависимость от положения объекта в системе всеобщего движения. Теория функциональных систем идет дальше, рассматривает субъекта как сложную, многоуровневую, динамическую систему, где психическое и физическое это взаимосвязанные состояния, которые необходимо рассматривать в одном контексте, что позволяет глубже вникнуть в сущность физических величин. Важность подобного подхода начинает понимать квантовая физика, которая, с одной стороны, видит в наблюдателе объект взаимодействия, а с другой, игнорирует его внутреннюю структуру. Как следствие виртуальные феномены начинают рассматриваться изолированно от организма человека, как физические явления, не связанные с его природой.

Нейрофизиология рассматривает организм с точки зрения взаимодействия, как продукт равновесия с внешней средой, однако философский аспект данной проблемы Анохин затрагивает поверхностно, дипломатично опираясь на авторитет теории отражения В.И. Ленина: «Теперь мы должны показать, какое

место занимает данная закономерность в универсальной теории отражения, сформулированной В.И. Лениным. Общеизвестно, что теория отражения В.И. Ленина дает материалистическое объяснение всех процессов организма и особенно его психической деятельности в зависимости от первично существующих материальных воздействий внешнего мира на организм и его мозг» (Анохин, 1978, с. 25).

Необходимо подчеркнуть, теория отражения В.И. Ленина является серьезным вкладом в учение диалектического материализма. Маркс и Энгельс рассматривали сознание с точки зрения внешнего наблюдателя как фрагмент природы, а теория отражения размещает наблюдателя внутри сознания, что открывает новые возможности для построения теории познания. Для Ленина отражение ассоциируется с взаимодействием: «Логично предположить, что вся материя обладает свойством по существу родственным с ощущением, свойством отражения», «Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого...» (Ленин, 1953, с. 91). Данная линия рассуждений получила свое развитие в работах болгарского философа Тодора Павлова, где феномен «отражение» трактуется как проявление взаимодействия (Павлов, 1973). Тем не менее, советская школа философии начала разъединять данные понятия - анализировать отражение как некую, отличную от взаимодействия сущность. Например, А.Г. Спиркин определяет отражение как статический феномен, результат взаимодействия: «...всеобщее свойство материи, заключенное в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отражаемому» (Спиркин, 1975). Развитие данной точки зрения находим у А.Г. Чусовитина: «Взаимодействие и отражение выполняют две органически связанные функции – динамическую и регуляторную. Взаимодействие обуславливает взаимопревращение материи и энергии и перенос их от одного объекта к другому. Упорядочивание же движения этих потоков материи и энергии вызывается «действием» другого фундаментального свойства материи – отражения» (Чусовитин, 1993, с 21). Раздельное рассмотрение взаимодействия и

отражения противопоставило эти понятия и привело к традиционному разделению на «материю» и «движение». Взаимодействие рассматривалось как процесс, а отражение как его статический результат, что в конечном счете породило парадоксы. С одной стороны идея взаимодействия противоречит непрерывности движения, а с другой стороны концепция отражения предполагает существование материи помимо движения.

Одностороннее понимание отражения в диалекте «законсервировало» идею функциональной системы внутри нейрофизиологической парадигмы, для описания которой сложилась своя, узкоспециальная терминология. Например, непрерывный процесс взаимодействия организма с внешней средой, Анохин описывает в парадигме опережающего отражения и акцептора результатов действия «... постепенно сформировалась способность первичных организмов отражать внешний неорганический мир не пассивно, а активно, с опережением в своей протоплазме последовательно и повторно развертывающихся явлений внешнего мира», «первичное нервное вещество и вообще центральную нервную систему можно рассматривать как субстрат высокой специализации, который развился как аппарат максимального и быстрее опережения последовательных и повторных явлений внешнего мира» (Анохин, 1978, с. 17, 19). Новая терминология отодвинула на задний план основное достоинство концепции «функциональная система» - способность описывать материальность в парадигме непрерывного движения. В ряде работ функциональная система начала рассматриваться как свойство материального субстрата и это, к примеру, привело к противопоставлению понятий активность и реактивность. Если к этому вопросу подойти в контексте непрерывного движения, то функциональная система это следствие равновесия взаимодействующих систем, где действие равно противодействию. Поскольку активность и реактивность уравнивают друг друга, их отличие определяется неодинаковой структурой объектов взаимодействия, а приоритет активности определяется выбором точки отсчета в одной из сторон взаимодействия. Например, ТФС делает акцент на активности организма, а Гегель рассматривал ее как реактивность, проявление абсолютной

идеи в существо человека.

Следует обратить внимание, теория функциональных систем позволяет Анохину рассматривать организм человека идеальным способом, как процесс непрерывного движения: «Очевидно, мы должны будем принять в качестве основного закона работы мозга следующее: абсолютный и универсальный закон неорганического мира — развитие явлений в пространственно-временном континууме — в процессе эволюции живого привел к тому, что мозг животных как специализированный орган отражения и приспособления приобрел свойство непрерывного течения его процессов в полном соответствии с компонентами этого континуума в пространстве и времени» (Анохин, 1978, с. 35). В тоже время, материальный способ рассуждения не отбрасывается, а дополняет идеальный, поскольку «Я-отчужденное» начинает рассматриваться не как действие сил природы на сознание субъекта, а как противодействие этим силам в форме конкретных биологических структур. Например, Анохин философскую проблему «прерывности-непрерывности» решает средствами нейрофизиологии, показывая механизм формирования данного представления в контексте функционирования нейронной сети: «...непрерывность явлений внешнего мира отражается на «биологическом экране» как прерывность жизненно важных событий, отставленных друг от друга во времени, но связанных континуумом малозначащих результатов целого поведенческого акта животных и человека» (Анохин, 1978, с. 42). Данную концепцию можно изложить в более общем виде. В процессе взаимодействия непрерывный процесс адаптации организма к окружающей среде становится неравномерным, что проявляется на «биологическом экране» (сознание) как существование более быстрых процессов на фоне более медленных, что становится основой для различения предметных образов - «континуума малозначащих результатов» и их движения. Собственно феномен прерывности движения получает объяснение в современной физике как геометрия криволинейного движения (искривление пространства-времени).

Таким образом, теория функциональных систем позволяет по-новому

посмотреть на ряд положений учения Гегеля и наполнить их новым содержанием. Идея устойчивых форм движения, трактуемая в крайне отвлеченной форме как «единство и борьба противоположностей», получает свое конкретное воплощение в контексте функциональной системы. Становиться очевидным, знание это не просто феномен психического мира, а некое функциональное состояние, имеющее в своей основе равновесие между организмом и внешней средой, которое на уровне психического восприятия трактуется как гармония, непротиворечивость виртуальной модели. Законы природы даны нам в относительной форме как образы сознания и в абсолютной форме, как их движение, которое отражает противодействие силам внешнего мира. С точки зрения адаптации человека к окружающей среде, практическая деятельность человека становится точкой отсчета в понимании процесса познания, соответственно субстанцию следует понимать в плане движения, как продукт равновесия, при этом критерием материальности становится устойчивость образов сознания, а не уверенность в существовании «вещи в себе» - материи без движения. Теория функциональных систем позволяет трактовать идеальное и материальное в одной парадигме, как фазы процесса адаптации организма к окружающей среде, а не рассматривать их как конкурирующие точки зрения, одна из которых является ложной.

ВЫВОДЫ

Познание это процесс взаимодействия человека с окружающей средой, который можно рассматривать со стороны, как взаимодействие биологической системы с внешней средой и изнутри, на основании анализа психического мира субъекта. Объединить два способа рассуждений возможно единственным способом, сопоставляя психические и физические явления в процессе изучения функционирования мозга человека. Психофизиология в этом контексте занимает особое место, поскольку механизмы познания являются основным предметом ее исследования.

Теория функциональных систем это своеобразная философия, которая рассматривает организм человека в парадигме движения, как продукт взаимодействия с внешней средой. В такой системе рассуждений системообразующим фактором эволюции организма становится поведение, которое формирует два уровня строения нейронной сети, последовательная активность которых позволяет рассматривать познание как двухфазный процесс и иначе расставить акценты в понимании целого ряда принципиальных вопросов философии.

Мышление следует рассматривать как одно из проявлений активности мышечной системы, которое находит свое отражение в структуре моторного мозга как ориентировочное поведение. С этой точки зрения существует две формы мышления, внешнее мышление, связанное с преобладающей активностью первой сигнальной системы и внутреннее мышление, в котором преобладает активность второй сигнальной системы.

Последовательная активность двух форм мышления определяет два состояния сознания. В процессе практической деятельности субъекта, содержанием его сознания субъекта является окружающая действительность в настоящем времени. Активность ориентировочного поведения, направленная в кору мозга, подавляет сенсорные связи и заставляет эволюционировать исходное состояние сознания из настоящего времени в будущее.

С точки зрения психофизиологии, традиционный конфликт между идеализмом и материализмом отражает двухфазность процесса мышления и соответствующих им состояний сознания. Биологический смысл материалистического мировоззрения определяется признанием материи, которая указывает на точки опоры в окружающем нас пространстве, без чего невозможна практическая деятельность субъекта. Идеальное мировоззрение трактует мир как системное движение, что создает прецедент для постоянной адаптации

существующих программ поведения к изменяющимся условиям внешней среды.

Литература

- Чудинов Э. М.* Теория относительности и философия. М.: Политиздат, 1974.
- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Можейко М.А.* Платон / Всемирная энциклопедия: Философия / Под ред. А.А. Грицианова. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 782-786.
- Алексеева Е.А. Тузова Т.М.* Декарт / Всемирная энциклопедия: Философия / Под ред. А.А. Грицианова. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 276-278.
- Гегель Г.* Философия духа / Энциклопедия философских наук, т. 3. - М.: Мысль, 1977.
- Лосев А.Ф., Спиркин А.Г.* Диалектика / БСЭ. Т 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 670 – 676.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Пар тиздат, 1934.
- Пахомов Б.Я.* Эволюция – развитие – структурные уровни материи / Труды III всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М.: Наука, 1983. С. 243-246.
- Кедров Б.М.* Критерии различения высших и низших форм движения материи / Пространство, время, движение. Диалектический материализм и современное естествознание. М.: Наука, 1971. С. 326-343.
- Уэллс Г. Павлов и Фрейд. М.: Иностранная литература, 1959.
- Карачунский В.А.* Концепция феномена эмоций / Интеллект. Личность. Цивилизация. Материалы второй международной научной конференции, т. 2. Донецк: Изд. Донецкого университета. 2003. С. 76 – 86.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т 18. М.: Политиздат. 1953.
- Павлов Т.* Ленинская теория отражения. София, 1973.
- Спиркин А.Г.* Отражение / БСЭ, т. 19. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 19 – 21.
- Чусовитин А.Г.* Концепция взаимодействия (историко-методологический анализ): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина

THE THEORY OF FUNCTIONAL SYSTEMS AS A KEY IN SOLVING ACTUAL PROBLEMS OF PHILOSOPHY

V.A. Karachunsky

Abstract: The theory of functional systems opens up new opportunities for understanding philosophy dualism, problems of interrelation between substance and movement, ratios of reflecting process and convergence.

Keywords: functional system, substance, movement, reflection, convergence.

ПАРАДИГМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2019 г. И.А.Юров *

* кандидат психологических наук, ОЧУ ВО «Московский инновационный университет»,

e-mail: sov36@mail.ru

Аннотация: В статье представлено обоснование трех парадигм отечественной психологии — диалектико-материалистической, системно-комплексной и культурно-исторической.

Ключевые слова: парадигма, диалектико-материалистическая, системно-комплексная, культурно-историческая, марксизм, субъектно-деятельностный подход, личность, субъект, индивидуальность

В зарубежной психологии успешно развиваются различные психологические парадигмы (психоанализ, бихевиоризм, гуманистическая психология, гештальтпсихология и др.). В отечественной психологии ни в одном учебнике нет упоминания о наличии какой-либо психологической парадигмы. В настоящее время бессмысленно говорить о бессодержательно-идеологизированном понятии «советская психология».

В литературе уже представленный анализ отечественной психологической литературы свидетельствует, что когда речь заходит о теориях личности, авторы, как правило, описывают парадигмы теории личности зарубежных психологов, которые исходят из общепсихологических парадигм (например, психоанализ — психоаналитические парадигмы личности).

А отечественные общепсихологические парадигмы психологии и парадигмы теории личности не представлены. Поэтому до сих пор в отечественных учебниках описываются только зарубежные парадигмы и теории личности (Юров, 2015, 2016, 2017).

Таблица 1

Количественные данные о соотношении вклада в теорию личности зарубежными и отечественными психологами, представленные в учебниках и учебных пособиях

№	Название учебника (учебного пособия)	Кол-во зарубеж. авторов	Кол-во страниц	Кол-во отечеств. авторов	Кол-во страниц
1.	Основы психологии (Л.Д.Столяренко)	20	133	2	1
2.	Психология и педагогика (ред. К.А.Абульханова, Н.В. Валина, Л.Г.Лаптев, В.А. Слостенин)	21	31	3	1
3.	Психология (Р.С.Немов)	20	21	3	1
4.	Общая психология (А.Г.Маклаков)	20	20	2	1
5.	Психология (ред. В.Н.Дружинин)	21	21	4	3
6.	Общая психология (Р.Х.Тугушев, Е.И. Гарбер)	18	29	3	3
7.	Общая психология (ред. М.В.Гамезо)	18	11	1	8 строчек
8.	Психология и педагогика (А.Реан, Н.Бордовская,С.Розум)	18	24	1	1

Возьмем для анализа учебник «Психология» под ред. В.Н.Дружинина (СПб.: Питер, 2001) в связи с тем, что в нем отечественные психологи представлены более чем в других учебниках и учебных пособиях, изданными только центральными издательствами. В главе 15 «Теории личности» (с. 273–294) в параграфе 15.1. «Проблема личности в психологии» автор В.М.Русалов пишет: «В современной психологии выделяют семь основных подходов к изучению личности... Теория личности – это совокупность гипотез, или предположений о природе и механизмах развития личности. Теория личности пытается не только объяснить, но и предсказать поведение человека (Хьелл А., Зиглер Д., 1997) (с.273). В параграфе 15.2.(с.273–275) представлена «Психодинамическая теория личности» по З. Фрейду. В параграфе 15.3.(с.275–277) «Аналитическая теория личности» представлена позиция К.Юнга. В параграфе 15.4. (с. 277–280) представлены позиции К. Роджерса. и А. Маслоу. В параграфе 15.5. (с.280–283) «Когнитивная теория личности» представлены позиции Дж. Келли, Ф. Франселла, Д. Баннистера. В параграфе 15.6. (с.283–285) «Поведенческая теория личности» представлены позиции Дж. Уотсона, Б.

Скиннера, А. Бандуры и Дж. Роттера. В параграфе 15.7.(с. 285–288) «Деятельностная теория личности» (единственная в учебниках!) отмечается, что эта теория получила наибольшее распространение в отечественной психологии: «Среди исследователей, внесших наибольший вклад в ее развитие, следует назвать, прежде всего, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульханову-Славскую и А. В. Брушлинского." (с.285) и подчеркивается, что в деятельностном подходе наиболее популярной является четырехкомпонентная модель личности, которая в качестве основных структурных блоков включает в себя направленность, способности, характер и самоконтроль. В параграфе 15.8. (с.288–294) «Диспозициональная теория личности» отмечается, что среди исследователей данного направления наиболее известным является Г. Оллпорт – основоположник теории черт (только один психолог). Итак, авторы учебника представляют одну отечественную «деятельностную» теорию личности (только 3 стр. из 22, посвященных зарубежным теориям личности), при этом подчеркивая, что данная теория имеет ряд общих черт с поведенческой теорией личности, особенно с ее социально-наученческим направлением, с гуманистической и когнитивной теориями, т. е. с зарубежными теориями личности.

Вместе с тем, тщательный анализ работ отечественных психологов позволяет выделить три научно-методические парадигмы отечественной психологии и соответственно парадигмы психологии личности. Первая – диалектико-материалистическая – представлена в работах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, и др., которые обосновали научные основы этой парадигмы.

Характеризуя отечественную психологию уже в постсоветское время, А.В. Брушлинский пишет: «Гуманистическая трактовка человека противостоит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е.

только объектом) развития общества. Такое антигуманистическое понимание человека, характерное для идеологии и практики тоталитаризма (в частности, для сталинизма и неосталинизма), до сих пор сохраняется – часто неосознанно – во многих (но не во всех) широко распространенных у нас теориях» (Брушлинский, 1994, с.5).

По нашему мнению, основоположником диалектико-материалистической парадигмы отечественной психологии был С.Л. Рубинштейн.

В 1913 году Рубинштейн в Марбургском университете успешно защищает докторскую диссертацию, в которой проанализировал характер точного естественнонаучного знания и выявил присущий его способу объяснения тип детерминации. Рубинштейн приходит к выводу о неприменимости естественнонаучного метода к гуманитарному знанию (к которому относилась психология). Он возражает против фундаментального положения субъективного идеализма о том, что «бытие не существует, а полагается мыслью» (Рубинштейн, 1994, с. 239), что «мысли ничего не может быть дано, мысль сама порождает все свое содержание, содержание бытия» (Рубинштейн, 1994, с. 234). Вместе с тем вслед за С.Кьеркегором он отвергает и материализм, который «совершил уже свое опустошительное шествие», а также другую, «более утонченную форму натурализма – психологизм» (Рубинштейн, 1994, с. 234). Таким образом, Рубинштейн фактически предлагает идею третьего пути, не связанного ни с субъективным идеализмом, ни с материализмом.

В статье «Принцип творческой самодеятельности» Рубинштейн пишет: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1922, с. 106). Уже в этой статье деятельность характеризуется следующими особенностями:

- 1) это всегда деятельность субъекта (т.е. человека, а не животного и не

машины), точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность; не может быть бессубъектной деятельности; 2) деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом., т.е. она необходимо является предметной, содержательной; 3) она всегда -творческая и 4) самостоятельная.

Самостоятельность здесь вовсе не противостоит совместности. Напротив, именно в совместной деятельности реализуется ее самостоятельность. Автор исходит из того, что учение есть совместное исследование, проводимое учителем и учеником. Рубинштейн пишет, что «в творчестве создается и сам творец. Есть только один путь –если есть путь –для созидания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет...» (Рубинштейн, 1922, с. 106).

Итак, по мнению Брушлинского, Рубинштейн, с одной стороны, творчески, критически использует все новое и ценное что дала немецкая классическая философия –особенно в лице гегелевского идеализма. С другой стороны он сразу же и сознательно начинает преодолевать идеалистическую трактовку деятельности как чистой активности лишь духовного субъекта, безотносительно к материальному субъекту. Рубинштейн вместе с тем критически относится также и к этому философскому материализму (механистическому и метафизическому). В идейной борьбе с идеализмом и дуализмом материализм всегда утверждал первичность материальных процессов и вторичность, производность психического, духовного. Однако принципиальная ограниченность такого метафизического (недиалектического) материализма состоит в неумении понять активность человека как субъекта, в игнорировании его деятельности (Брушлинский, 1989, с. 67). И далее: «С точки зрения механистического материализма, который критиковал К.Маркс, отражение окружающего внешнего мира в психике человека рассматривается как пассивная рецепция внешнего воздействия человеком его мозгом. Подобную точку зрения Рубинштейн характеризует как пассивизм и подвергает ее резкой и справедливой критике» (там же). Это с позиций тоталитарного времени (1989)

Брушлинский делает такой вывод: «Таким образом, ученый (Рубинштейн) начинает прокладывать свой собственный путь в философии и психологии, преодолевая неприемлемые для него идеализм и метафизический материализм. Это путь, ведущий к диалектическому материализму, т.е. к тому качественно новому типу материализма, который создан К. Марксом» (там же).

Брушлинский считает, что в «марксовой философии принципиально новому поставлена и решена проблема человека как субъекта: вопреки прежнему материализму утверждается деятельностьная, активная сущность человека и вместе с тем деятельность – понимается как изначально практическая; в ходе такой деятельности люди преобразуют и познают природу и общество, тем самым формируя и развивая свои сущностные силы» (Брушлинский, 1989, с.68). И далее: «Диалектическим этот материализм является, в частности, потому, что он утверждает и все более глубоко раскрывает диалектичность, противоречивость деятельности как взаимодействия субъекта с материальным объектом. На каждом этапе развития человек выступает как результат, следствие предшествующей деятельности, в которой он формируется, и вместе с тем эту деятельность осуществляет именно он, т.е. он является ее субъектом и причиной» (там же).

Более того, Брушлинский отмечает, что при Сталине С.Л. Рубинштейн публиковал только свои психологические монографии и лишь после его смерти начал издавать также и свои философские труды; а свои работы 10-ых и 20-х годов он никогда не мог даже упоминать.

После октябрьского переворота 1917 г. и окончания гражданской войны значительная часть отечественных гуманитариев, стоящих на немарксистских и непролетарских позициях, была вынуждена покинуть страну кто на «философском пароходе», а кто и просто бегством за границу. Другая часть, уже советских психологов (К.Н. Корнилов, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, Г.И.Челпанов), по-видимому, искренне или, напротив, под влиянием политической конъюнктуры пыталась разрабатывать психологическую науку с

позиции философии Маркса. Маркса цитировали, но не исходили из сути его философии. Но эти первые попытки не увенчались успехом в связи с тем, что марксистская философия была рассмотрена не всесторонне, а главное, не с позиций формируемого Сталиным тоталитарного, моноидеологического государства (Юров, 2015). Такое положение дало право одному из ведущих философов того периода, идеологическому помощнику И.В. Сталина – А.М. Деборину писать: «В высшей степени странным и непонятным является, например, то обстоятельство, что марксистские психологи до сих пор даже не подумали о том подходе, который рекомендуется Марксом в области психологии» (Деборин, 1930, с. 16).

Значительную, если не решающую идеологически-стимулирующую роль сыграла статья И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», которая фактически выступила в качестве социального заказа на формирование гуманитарных наук и марксистской психологии (Сталин, 1931).

Именно в это время были опубликованы «Немецкая идеология» К.Маркса и Ф. Энгельса, «Диалектика природы» Ф. Энгельса, «Философские тетради» В.И. Ленина, особое место занимает «Экономически-философские рукописи 1844 г. К.Маркса, в которых отчетливо Маркс раскрывает свое отношение к философской системе Гегеля, свой подход к проблеме человека и его деятельности. Здесь же наиболее полно представлена и система его высказываний о психологии.

Рубинштейн первым из отечественных философов в своей работе «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» блестяще, научно и аргументировано (по Брушлинскому) использует и оригинально развивает по-новому открывшуюся теперь марксову философию для углубления и дальнейшей разработки своего субъектно-деятельностного подхода.

Анализируя философские произведения Маркса, Рубинштейн принимает и использует для развития своей концепции в первую очередь те положения, которые раскрывают диалектику взаимодействия субъекта с объектом – прежде

всего диалектику изначально практической деятельности людей. Последние выступает у Маркса как опредмечивание субъекта, т.е. как процесс объективирования, объективного выявления и раскрытия сущностных сил человека. Рубинштейн ссылается на слова Маркса: «история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией» (цит. по Рубинштейну, 1973, с.24).

Таким образом, считает Рубинштейн, в труде субъект воздействует на материальный объект и преобразует его. И наоборот объект воздействует в то же время на субъекта, детерминирует его действия и трудовые операции. Эта зависимость, идущая от материального объекта к субъекту, означает, что человек и его психика не только проявляются в продуктах своего труда, они именно формируются и развиваются в ходе такой деятельности, детерминируемой объектом и преобразующий его. По Марксу, «лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувствительности: такие чувства, которые способны в человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо... человечность чувств возникает лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе» (цит. по Рубинштейну, 1973, с.25-26). Исходя из этого, Рубинштейн отмечает, что нет ни бессубъектной деятельности, ни бездеятельного субъекта. Неразрывная, органическая связь человека и его деяний в процессе его формирования, «построения» обобщается Рубинштейном как одно из важнейших условий единства личности – субъекта деятельности.

Рубинштейн развивает и конкретизирует в интересах психологии новую трактовку социальности как взаимосвязей между людьми в ходе их изначально практической деятельности. В том же контексте он раскрывает принципиальное различие между действием (одним из исходных понятий для субъектно-деятельностного подхода) и реакцией (основным понятием для бихевиоризма).

12 сентября 1938 года выходит статья Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая сразу же становится официальным документом для всех гуманитарных наук (Сталин, 1938).

Рубинштейн не мог не руководствоваться основными положениями сталинской статьи и внес соответствующие коррективы в систему своих философско-психологических идей и положений, усилив аргументацию диалектико-материалистического принципа детерминизма и принципа единства сознания и деятельности.

Рубинштейн строит систему связей психики, сознаний и деятельности, опосредствованную личностью как субъектом этой связи. Личность становится основанием связи сознания и деятельности, в личности и личностью эта связь реализуется и замыкается. Связь сознания и деятельности оказывается личностно опосредованно. Сознание регулирует деятельность, а личность, обладающая сознанием способна регулировать свои действия. Субъект же является основанием еще одной связи, еще одного единства – личности ее деятельности. Мысли Рубинштейна о личности, сознании, деятельности соответствуют идеологическим воззрениям того времени. Например, он пишет:

«Сознательное общественное отношение к труду является стержнем, на котором перестраивается вся психология личности; оно же становится основой и стержнем ее самосознания» (Рубинштейн, 1973, с.36). В 1942 г. первое издание «Основ общей психологии» Рубинштейна было удостоено высшей в то время премией – Сталинской премии. Не было ни одного случая, чтобы гуманитарий был награжден такой премией, не руководствуясь идеологическими положениями сталинизма как одной разновидности тоталитаризма.

Но Рубинштейн по-прежнему не догматически, а творчески (по мнению Брушлинского) относится даже к официально канонизируемой философии Маркса. Он видит не только сильные, но и слабые стороны марксовской философии, однако о последних он смог написать лишь после смерти Сталина в период хрущевской «оттепели». В 1959 г. он публикует свою вторую статью о

ранних философских рукописях Маркса, в которой выявляет и положительные, и негативные стороны этой философии. Он критикует следующие принципы и общие идеи Маркса: бытие определяет сознание; изначальная соотносительность природы и человека; слитие в одну науку естествознания и общественных наук и др. (Брушлинский, 1994). Да, критикует, но эти положения остаются в качестве краеугольных камней диалектико-материалистической психологии.

Брушлинский подчеркивает, что свою теорию психического как процесса Рубинштейн развил главным образом на экспериментальном материале психологии мышления. В 20-е годы в немецкой классической психологии (Вюрцбургская школа) разрабатывались как раз процессы мышления, которые представители этой школы считали первичными, так же первичными, как и ощущения.

Анализируя работы Рубинштейна, М.С. Каган подчеркивает, что он фактически исходил из определения предмета философии, которое сформулировал Ф.Энгельс «природа, общество и мышление». И которое безоговорочно принималось отечественными философами, словно не замечавшими содержащуюся в нем неточность: ведь понятие «мышление» не однопорядковое понятиям «природа» и «общество»; рядом с ними может и должно стоять понятие «человек», поскольку именно он соединяет в своем бытии природу и общество, образуя свою –синтетическую –форму бытия; потому-то ее место в философском рассмотрении бытия и является центральным (Каган, 1989, с.224). Мышление же есть атрибут человека, чрезвычайно важный для его жизни и деятельности, но являющейся предметом изучения не самой философии, а логики и гносеологии, ибо в духовном мире человека рядом с мышлением функционируют другие психические механизмы, без которых нет самого духа как целого. Рубинштейн не мог в то время подвергнуть критике эту триаду Ф.Энгельса и его положение о сознании как познанной необходимости. Не потому ли в 50-е годы свою теорию психического как процесса Рубинштейн развил главным образом на экспериментальном материале психологии

мышления?. Но в период оттепели нашел иной путь преодоления опасности подмены человека одним лишь его мышлением; «метафизический разрыв бытия на три несвязанные сферы –природу, общество, мышление» был преодолен благодаря трактовке человека как единства «субъектов, личностей, людей», поскольку они принадлежат и природе и обществу и являются носителями мышления (Рубинштейн, 1973, с.260).

Рубинштейн обосновывает принцип детерминизма: все внешние причины, влияния и т.д. действуют не прямо и непосредственно, а опосредованно –через внутренние условия того, на кого или на что они воздействуют (кратко: внешнее через внутреннее). «Чем выше мы поднимаемся –от неорганической природы к органической, от простейших организмов к человеку, –тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (Рубинштейн, 1957, с.13).

Свобода сознательных действий человека –это самоопределение субъекта по отношению к действительности, которое является необходимым звеном в процессе детерминации действия. Пока оно не свершилось, нет всех условий, детерминирующих действие, значит, до этого оно и не детерминировано. Предполагать, что оно было детерминировано до этого и исключать таким образом свободу человека –значит, подменять детерминацию предопределением (Рубинштейн, 1957, с.285). Благодаря сознанию человек может предусмотреть последствия своих действий, и в силу этого он «самоопределяется во взаимодействии с действительностью, данной ему в отраженной идеальной форме: действительность еще не реализованная, детерминирует действия, посредством которых они реализуется. Это обращение обычной зависимости центральный феномен сознания. С ним непосредственно и связана свобода человека» (Рубинштейн, 1957, с.284).

Рубинштейн следующим образом раскрывает суть своей концепции: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и, соответственно, определен круг философских категорий. Человек

выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего как реальное, материальное, практическое существо... С появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все его нижележащие уровни. Иными словами, человеческое бытие — это не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование, не затрагивающая философский план общих, категориальных черт бытия. Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека. Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении» (Рубинштейн, 1973, с. 259).

Рубинштейн подчеркивает, что «своеобразное отношение человека к миру связано с наличием у него сознания. Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие.... Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие... Эти действия порождены как ситуацией самой по себе, так и соотношением с потребностями человека. Значит, в человеке, включенном в ситуацию, есть что-то, что выводит его за пределы ситуации, в которую он включен. Ситуация — это лишь один из компонентов, детерминирующих его действия. Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда — постоянный выход человека за пределы ситуации, а сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» (Рубинштейн, 1957, с. 341).

Одна из важнейших проблем — проблема свободы человека в бытии. Рубинштейн пишет: «Проблема свободы выступает в трех аспектах: А) как самоопределение — роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и

общественное принуждение); в) как свобода в Спинозовском смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений)....Таким образом, свобода –это не только отрицание данного, как утверждают экзистенциалисты, но и утверждение его. Свобода –это и отрицание и утверждение данного. С этих позиций и идет марксистская критика экзистенциализма» (Рубинштейн,1973,с.360). Здесь нельзя не согласиться с Брушлинским, который считал, что под видом критики в реалиях того времени философы (и Рубинштейн) излагали свою собственную позицию по данной проблеме.

Положения Рубинштейна позволяют Брушлинскому отмечать, что основы гуманизма в корне подрываются, когда социальность сводится только к одной из своих бесконечно многообразных форм – к социальности лишь как принуждению, давлению, прессингу, диктату, с помощью которых общество навязывает (нередко даже насильственно) индивиду определенную систему норм и духовных ценностей. В психологии она проявляется в виде следующего очень известного принципа: от социального к индивидуальному, который часто трактуется более обобщенно в виде известного методологического принципа «от (только) внешнего к внутреннему», лежащего в основе прежних и новейших вариантов теории интериоризации как механизма возникновения психического, в отсутствии разведения понятий субъект-личность, аутентичность неаутентичность бытия.

При формировании диалектико-материалистической психологии Рубинштейн сформулировал принцип единства сознания и деятельности, что послужило созданию государственной концепции создания «нового» человека, несмотря на то, что при тоталитарной системе функционировали не только двойные, а тройные стандарты поведения («думаем одно, говорим другое, а делаем третье»), наверняка это было известно самому Рубинштейну. Когда надо было, его хвалили за создание диалектико-материалистической психологии (Сталинская премия), затем критиковали за элементы реализма в науке (часто за глаза), а потом и совсем уволили с работы (период космополитизма).

С.Л.Рубинштейн является основоположником диалектико-материалистической парадигмы, созданной в условиях тоталитаризма, а ее активными интерпретаторами А.В.Брушлинский и К.А.Абульханова-Славская.

Итак, принцип детерминизма (причинно-следственной зависимости) обуславливает, что все внешние причины, влияния, факторы действуют не прямо и непосредственно, а опосредованно – через внутренние условия того, на кого или что они воздействуют (кратко: внешнее через внутреннее). С.Л. Рубинштейн считал, что в мире все, что уже совершилось, детерминировано: все, что совершается, детерминируется, т.е. определяется в самом процессе своего совершения, по мере того, как одно за другим объективно определяются и вступают в действие все условия детерминируемого явления. Выдвигая проблему связи сознания и деятельности, С.Л. Рубинштейн считал, что этой связью является личность, сознание регулирует деятельность, а личность, обладающая сознанием, тем самым способна регулировать свои действия. Личность является тем основанием, на котором и в системе которого осуществляется функционирование всех психических процессов. Принцип единства сознания и деятельности по Рубинштейну, Абульхановой, Брушлинскому образует следующую систему организации психологических проблем: 1. Понимание психологии человека, методологическое определение природы психического: а) принадлежность сознания действующему субъекту; б) единство реального и идеального, единство знания и переживания, отражения и отношения; в) единство отражения, отношения (переживания) и деятельности; г) знание, представление в сознании, является единством объективного и субъективного; д) сознание как высший уровень организации психики, которому присущи идеальность, предметное и смысловое значение; сознание как общественное образование (Абульханова,2000).

Вторая парадигма – системно-комплексная – в отечественной психологии представлена в работах В.М. Бехтерева, В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова и др.

В.М. Бехтерев фактически ввел в психологию понятия индивид, личность и индивидуальность, считая, что индивид – это биологическая основа, над которой надстраивается социальная сфера личности. «Личная сфера» человека включает в себя следы, обусловленные отношениями, вытекающими из общественной жизни. Поэтому у человека в связи с «личной сферой органического характера» развивается «личная сфера социального характера». Она лежит в основе нравственных и социальных отношений между людьми. При более высоком развитии невропсихики эта социальная сфера личности играет определяющую роль, является «важнейшим руководителем» всех реакций, связанных с общественными отношениями людей. При известных условиях она преобладает над органической сферой личности. Под индивидуальностью он понимал интеграцию и биологических и социальных особенностей человека (Бехтерев, 1928).

По мнению В.Н. Мясищева, вопрос структуры личности – это соотношение содержательных тенденций; они, реализуясь в различных видах деятельности, связанных с условиями жизни соответствующего исторического момента, вытекают из основных отношений, т.е. стремлений, требований, принципов и потребностей. Структура более отчетливо обнаруживается в относительно определяющей роли отдельных потребностей. Еще более характерным оказывается интегральное соотношение основных тенденций личности, которое позволяет говорить о гармоничности, цельности, единстве или двойственности, расщепленности, отсутствия единства личности (Мясищев, 1995).

Исходя из генетического и антропологического принципов, Б.Г. Ананьев предложил комплексный подход в понимании природы психического человека. Он и в теоретическом, и в практическом плане подошел к изучению индивидуальной структуры человека как многомерной и многосвязной системе – единству тенденций дифференцированности и интегрированности. Он отмечал, что полный набор характеристик человека – необходимое условие понимание его индивидуальности (как интегрированной системе), а единичный

человек может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида. Индивидуальными свойствами являются характеристики пола, возраста, особенности морфологической конституции, реактивности организма, нейродинамические характеристики, включающие свойства активированности. Вторую группу образуют психологические параметры, характеризующие человека как субъекта труда, общения и познания (процессы, аффекты, воля, психомоторика). Третий уровень характеристик индивидуальности образуют характеристики личности (психодинамические особенности, черты личности, интеллект, социально-психологические статусы). Эмоционально-мотивационная сфера личности представлена измерениями: а) эмоционального стресса и тревожности – фрустрированности; б) уровня притязаний; особенностей мотивации. Первая и наиболее важная область действия комплексного метода в психологии – это организация измерений каждого испытуемого по многим разнородным и разноуровневым параметрам, относящимся к свойствам индивида, субъекта деятельности и личности. Вторая форма реализации комплексного метода состоит в том, что разноуровневые свойства измеряются в условиях разнородных функциональных состояний (Ананьев, 2001).

По мнению Б.Ф. Ломова субъектом познания, деятельности и общения – является общественный индивид – личность. Важнейшая теоретическая задача по Ломову состоит в том, чтобы вскрыть объективные основания тех интегральных психологических свойств, которые характеризуют человека как индивида, индивидуальности, личности. Для изучения этих свойств и качеств Б.Ф. Ломов исходил из принципов системного подхода в психологии. Он считал, что, во-первых, системный подход в исследовании какого-либо явления требует его рассмотрения в нескольких аспектах: 1) как некоторой качественной единицы, как системы, имеющие свои специфические закономерности; 2) как части своей видо-родовой макроструктуры, закономерностям которой оно

подчиняется; 3) в плане микросистем, закономерностям которых оно тоже подчиняется; 4) в плане его внешних взаимодействий, т.е. вместе с условиями его существования. Во-вторых, психические явления по существу своему многомерны. В-третьих, система психических явлений многоуровневая и строится иерархически. Она включает ряд подсистем, обладающих различными функциональными качествами. Многоуровневость психического имеет разный порядок, определяющие его закономерности. Существуют закономерности общие, действующие на всех уровнях и во всех подсистемах. Но имеются также и специфические закономерности, относящиеся только к определенному уровню (подсистеме). В-четвертых, при описании психических свойств человека важно иметь в виду множественность тех отношений, в которых он существует. Этим обуславливается разнопорядковость его свойств. Системные свойства могут быть разделены на моносистемные и полисистемные. Ко вторым относится, например, системное описание индивидуальности человека (по Б.Г. Ананьеву). В-пятых, системный подход требует особого понимания детерминации как многоплановый, многоуровневый, многомерный, включающий явления разных (многих) порядков, т.е. как системной (Ломов, 1984).

Итак, несмотря на то, что В.С. Бехтерев говорит об интегральном, гармоничном человеке как индивидуальности, В.М. Мясищев – об интегральном соотношении основных тенденций личности, Б.Г. Ананьев раскрывает преимущественно комплексный подход в теоретическом и эмпирическом описания человека как индивида, субъекта деятельности и личности, а Б.Ф. Ломов характеризует общие принципы системного подхода в понимании человека, их объединяет понимание того, что предметом психологии является целостный Человек, который может быть понят только через взаимосвязь внутреннего и внешнего, биологического и социального, индивидуального и общественного, систему взаимообусловленности, в развитии (Юров, 2016).

Третья парадигма – культурно-историческая психология представлена Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Л.И. Божович, А.В. Петровским, А.Г.

Асмоловым.

Несмотря на то, что это определение не принадлежит Л.С.Выготскому, но его словосочетания «культурное развитие», «культурно-психологическая теория» и «социальная ситуация развития» позволили его ученикам сделать обобщающие определение, а именно «культурно-историческая психология». Историзм, или историческое изучение, означал для Л.С.Выготского «применение категории развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» (Выготский, 1983, с. 62). Л.С. Выготский отмечал, что нет непроходимой грани между изучением историческим и изучением наличных форм. Ему импонирует высказывание П.П.Блонского: поведение может быть понято только как история поведения. Даже рудиментарные функции или «наши психологические окаменелости показывают в застывшем виде свое внутреннее развитие. В них соединены начало и конец развития» (там же, с.64-65).

По мнению Выготского, все культурное является социальным, он ставит знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, личность потому есть понятие историческое. Сущность культурного развития заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладения является образование личности, и потому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом. Культура есть продукт социальной жизни. Поэтому сама постановка проблемы культурного развития поведения непосредственно вводит в план социального развития. Автор отмечает, что психологическая природа человека представляет собой совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. Все внутреннее в высших психических функциях было некогда внешним, т.е. «социальным». Он считал,

что мировоззрение – то, что характеризует поведение человека в целом, культурное отношение ребенка к внешнему миру (Выготский, 1983).

Работающий и разрабатывающий теорию культурного развития с Выготским в Академии комвоспитания А.Р.Лурия пишет, что «развитие человека как исторического существа идет путем выработки специфических форм исторического, культурного поведения», и говорит, что понять это поведение можно, лишь исходя из анализа его «культурно-исторических механизмов» (Лурия, 2002, с. 522). Автор предисловия к английскому изданию книги А.Мейер называет подход А.Р.Лурия психобиологическим, учитывающим специфику культурной и политической жизни.

Л.С.Выготский и его коллега А.Н.Леонтьев в своих исследованиях основной акцент ставят на центральной, краеугольной идее, идее исторического развития поведения человека, исторической теории развития высших психологических функций. Они пишут: «В сущности, так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии означает теорию высших психологических функций (логическая память, произвольное внимание, речевое мышление, волевые процессы и т. д.)» (Леонтьев, 2003, с. 200) .

А.Н.Леонтьев в статье, посвященной памяти Л.С.Выготского писал, что Л.С. Выготский – автор трактовки «психического как человеческой деятельности» (!) и создатель «научной психологической теории – теории общественно-исторического («культурного» – в противоположность «натурному», естественному) развития психики человека» (Леонтьев, 1983, с. 19). Кроме того, Л.С.Выготский заложил основу «учения о системном и смысловом строении сознания» (Леонтьев, 1983, с. 20).

А.Н. Леонтьев выдвинул положение об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и

способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию. Личность не есть целостность, обусловленное генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. Считая, что выступает с истинных марксистских позиций, А.Н.Леонтьев решил дополнить С.Л.Рубинштейна, дав свое определение «внутреннее через внешнее»(Леонтьев,2005).

По мнению Л.И. Божович, целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью, в основе которой лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальное, характеризуют строение мотивационной сферы личности. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности (Божович, 1968).

А. В. Петровский считает, что понимание социальной сущности человека, включенности индивида в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений органически входит в трактовку категорий «психосоциальное отношение» и «организм–индивид–личность». Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом, строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействующих в ней двух противоборствующих тенденций – к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и способностью посредством

соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития (Петровский, 2002).

А.Г. Асмолов представляет психологию личности как культурно-историческое понимание развития человека. По его мнению, для того чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику изучения развития личности: разведение понятий «индивид» и «личность», «личность» и «психические процессы», а также выделение новой схемы детерминации развития личности. Во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами. Автор считает, что появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида, подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Образ жизни человечества приводит к коренной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Асмолов отмечает, что социально-исторический образ жизни – источник развития личности в системе общественных отношений. В психологии в этом смысле употребляется понятие «социальная ситуация развития» (Асмолов, 1996).

Сторонников этого научного направления объединяет характеристика психологии личности как культурно-исторического понимания развития человека, то, что социально-исторический образ жизни – источник развития личности в системе общественных отношений исходя из «социальной ситуации развития».

В данной статье значительное внимание было уделено диалектико-материалистической парадигме потому, что до сих пор во многих работах (и в докторских диссертациях), подготовленных в разных парадигмах (психоанализ, гештальтпсихология, экзистенциализм и др.) основными принципами являются

единство сознания и деятельности и принцип детерминизма. Часто наблюдается такое явление, как связь дефиниции из одной парадигмы с эмпирическими данными для подтверждения теоретической позиции – из другой (других), т.е. происходит научно-методическая путаница. Парадигма обладает более высоким статусом, чем находящиеся в ее рамках рассматриваемые теории, концепции, подходы, позиции, модели, гипотезы, предположения, мнения и точки зрения любого исследователя. При описании какого-либо психологического феномена или явления необходимо вначале обозначить к какой парадигме относится данное исследование, а затем переходить к уровню описания.

В условиях научной конвергенции западной и отечественной психологии с целью глубокого и многомерного изучения человека необходимо отказаться от одностороннего применения принципов одной психологической парадигмы, а переходить к системному и комплексному использованию всех принципов современной психологии в их единстве и взаимосвязи (Юров, 2015, 2017).

Таким образом, в отечественной психологии можно выделить три общепсихологические парадигмы, а также парадигмы личности — диалектико-материалистическая, структурно-комплексная и культурно-историческая.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 2001.
2. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
3. *Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии человека. М., Л., 1928.
4. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
5. *Абульханова К.А.* С.Л.Рубинштейн – ретроспектива и перспектива / Проблема субъекта в психологической науке. – М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С.13–26.
6. *Брушлинский А.В.* С.Л.Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке / С.Л.Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 61-102.
7. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН.

1994, 109 с.

8. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 62.

9. *Деборин А.М.* Итоги и задачи на философском фронте / Под знаменем марксизма. 1930. № 6. с.16.

10. *Каган М.С.* О труде С.Л.Рубинштейна «Человек и мир» и его месте в истории советской философии / С.Л.Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С.220-239.

11. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. С. 200.

12. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. С.19-20.

13. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.

14. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

15. *Лурия А.Р.* Природа человеческих конфликтов. М.: Когито-Центр, 2002. С. 522.

16. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М.-В.: НПО-МОДЭК, 1995.

17. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Психология. М.: Изд. Центр «Академия», 2002.

18. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности / Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. Т.11. С.148–154.

19. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С.19–46.

20. *Рубинштейн С.Л.* О философских основах психологии // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С.47-67.

21. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Педагогика, 1957. 302 с.

22. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир / Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С.255-385.

23. *Рубинштейн С. Л.* О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С.230–259.

24. *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция, 1931. №6 (113).

25. *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. Газета «Правда», 12 сентября 1938 г.

26. *Юров И.А.* С.Л.Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психология // Психолог. 2015. №4. С.37-84.

27. Юров И.А. Парадигмы в отечественной психологии // «Человек. Искусство. Вселенная». М.: Центр развития человека, 2015. С.7-11.

28. Юров И.А. Две парадигмы отечественной психологии// Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сб.статей Межд. научно-практ. конф.Ч.1. М.:ФГБОУ ВО «МГДТ», 2016. С.311-317.

29. Юров И.А. С.Л. Рубинштейн — основоположник диалектико-материалистической психологии //История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016.№6. С.319-330.

30. Юров И.А. Анализ психологии личности в отечественной психологии //История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017.№6. С.164-171.

PARADIGMS OF RUSSIAN PSYCHOLOGY

I.A.YUROV

Abstract. The article presents a substantiation of the three paradigms of Russian psychology - dialectical-materialistic, system-complex and cultural-historical.

Keywords: paradigm, dialectical-materialistic, system-complex, cultural-historical, Marxism, subject-activity approach, personality, subject, individuality.

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДЖ. ЛОККА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

© 2019 г. М.И. Яновский*, В.Н. Ягодкин**

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР; г. Донецк, ул. Университетская, д. 24, ДНР

e-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

**Психолог, Донецк, ДНР; г. Донецк, ул. Университетская, д. 24, ДНР

Аннотация: В статье анализируются некоторые основания ценностных и мировоззренческих особенностей американского мировосприятия. Рассмотрена роль теории «чистой доски» Дж. Локка в формировании американской системы ценностей и американского менталитета. Непризнание имплицитного знания и имплицитных идей в индивидуальном и социальном сознании трактуется как «неукоренённость» человека во вневременном. Многие традиционные американские ценности (например, стремление к уверенности в себе, страсть к переменам и т.д.) могут рассматриваться как следствие неукоренённости.

Ключевые слова: «чистая доска», Локк, американские ценности американский менталитет.

Современная социокультурная ситуация в мире в значительной мере порождена проблемной системой ценностей *американизма*¹. Она не является только продуктом конструирования идеологов, политиков и политтехнологов, но представляет собой также проявление определенной мировоззренческой традиции, которой уже несколько веков. Каковы основания этой ценностной системы?

Для начала сравним её с её современным оппонентом – русской мировоззренческой традицией. Одним из выразителей того, что лежит в основе

¹ Термин «американизм» использовался для обозначения движения, возникшего в конце XIX в. среди католиков в США и выдвигавшего идею американизации церкви (Американизм ...). Мы однако вслед за М. Хайдеггером используем этот термин более широко, как обозначение ценностно-ментальной системы, выражающей «американское национальное начало» (Мотрошилова, 2015, с. 147-149). Первый вариант содержания термина собственно как раз предполагает наличие такой системы. С этой системой американское общество идентифицирует себя и посредством его презентует себя другим. На наш взгляд, различные слои и политические силы американского общества, несмотря на свои расхождения, сходятся в опоре эту систему ценностных ориентаций и мировосприятия и в большей или меньшей степени поддерживают его.

этой традиции, можно считать Ф.М. Достоевского – не только великого писателя, но также проницательного исследователя психологии и индивида, и народа. По Достоевскому в основе психологии народа (а также и народов как этнических групп) лежат присущие им бессознательные идеи. Приведем слова писателя: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, – до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ. В стремлениях к выяснению себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни» (Достоевский, 2006, с. 64).

Достоевский считал наличие бессознательных идей достоянием любого народа. Однако мы полагаем, что само представление о чувствовании бессознательных идей и укоренённости в них как человеческом свойстве (т.е. по сути об укоренённости сознания человека в некоем имплицитном знании) – характерный элемент русского мироощущения. Это выражается в занимающей столь важное место в нём категории *естественности*. В философской форме эта категория получила коцептуализацию в теории «сродного» труда у украинорусского философа XVIII в. Г. Сковороды (термин «Украина» во времена Сковороды означал имя не этноса, а региона – между Малороссией и Великороссией, поэтому правильнее называть его русским философом, к каковым он и сам себя относил). Согласно Сковороде каждый человек и каждый народ одарен от Бога (или природы) неким пред-данным естеством, которое определяет круг «сродных», естественных ему форм деятельности. В этом по мысли философа источник и «мудрости», и нравственности человека: «"Подлость" начинается там, где человек в ущерб собственной природе ломится в несвойственную ему "стать"» (Лощиц, 1972, с. 185). «Невысказанные, бессознательные, чувствуемые идеи», о которых говорит Достоевский, – это то же, что свойственное индивиду или народу пред-данное естество, «стать».

Достоевский указывает и конкретно на некоторые «бессознательные

русские идеи». Например: «Энергия, труд и борьба – вот чем перерабатывается [социальная] среда. Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства» (Достоевский, 2006, с. 65). «Идея эта чисто русская», утверждает Достоевский (там же, с. 64). Можно сомневаться в адекватности интуиций писателя, но если придерживаться неангажированного взгляда, то очевидно, что именно эта идея – идея *преобразования социальной среды энергией, трудом и борьбой* – реализовывалась в России в XX веке, приведя её к 1917 году и построению социализма. Мнение, что советский социализм был «инородным телом» для русской ментальности – необъективно, выражает скорее определённую идеологическую позицию. Элементы организации социальных отношений, подобных советским, можно найти и задолго до XX в. – например, в общинно-трудовых традициях монашеской жизни, заложенных Сергием Радонежским (Петрушко, 2014), в активной роли сельских общин в организации жизни. Также отметим, что для появления социализма в XX веке сыграла роль сама идея существования у «простых» людей естественных «невывраченных, бессознательных, чувствуемых идей»². Именно такая пред-данная, имплицитная причастность каждого человека трансцендентной бессознательной духовности делает людей онтологически равными, что обосновывает социализм как возможную адекватную форму построения отношений между людьми.

Другая ситуация складывается, когда в социуме создаётся и реализуется идеология отрицания «невывраченных чувствуемых идей». Тогда, по представлениям Достоевского, формируется положение, когда «онтологическая и нравственная необеспеченность социальных целей при ослаблении основополагающих идеалов создает <...> условия, препятствующие самоуважению человека в собственном его положении и развивающие завистливую «роковую заботу» отыскивать везде и всегда как можно больше людей хуже себя. Отсюда повсеместная гонка и непрерывное соревнование

² На наш взгляд, вопрос о возможности отождествления «бессознательных чувствуемых идей» с юнговскими архетипами уместен, но требует отдельного обсуждения.

неутоленных честолюбий и обойденных самолюбий» (Тарасов, 2003, с. 27-28).

Такая «онтологическая необеспеченность социальных целей» не только стала характерной, но стала и *основой* американизма как ценностно-ментальной системы. Важную, возможно ключевую, роль в становлении этой системы сыграл философ Дж. Локк.

Действительно, «по мнению историков и философов, в основе американского общества лежит либерализм английского философа XVII века Джона Локка, который получил воплощение в так называемой "либеральной традиции" и "американском образе жизни"» (Трепакова, 2003, с. 16). «Отцы-основатели» США – Вашингтон, Джефферсон и т.д. вдохновлялись философскими и политическими идеями Локка и именно их воплотили в конституции. «Стержневая идея, на которой было построено американское государство, состоит в том, что все люди были созданы Богом и наделены им равными и неотчуждаемыми правами. Джон Локк (1632–1704), автор этой скандальной для его эпохи мысли...» (Крашенинникова, 2007, с. 10-11). Основанием американской системы ценностей декларируется, что «Америка, заложив в фундамент государства духовную идею [что все люди наделены равными правами], тем самым подключилась к неисчерпаемому источнику человеческой энергии, мотивации и легитимности...» (Крашенинникова, 2007, с. 11).

Действительно, философия и психология «отца» американского либерализма Дж. Локка могут служить ключом к американским ценностям. Возьмём самое известное положение психолого-педагогической концепции Локка – человеческая душа при рождении является «чистой доской» (*tabula rasa*) (Нарский, 1964). Никаких имплицитных априорных бессознательных идей хоть в индивидуальной, хоть в «народной» душе, по Локку, нет. Т.е. нет «невывказанных, бессознательных, чувствуемых идей», о которых говорил Достоевский. Но от этого отсутствия онтологической укоренённости сознания – в т.ч. во вневременном, которое внутри нас, – возникает, по Достоевскому, «непрерывное соревнование неутолённых честолюбий», столь очевидно

присущее американизму. Это объясняет, почему по мнению многих исследователей, в т.ч. американских, на самом деле «базовая американская ценность – *уверенность в себе*» (Хсю, 2001, с. 213). Несомненно, именно она необходима при «соревновании честолюбий». Решением проблемы уверенности в себе наполнена бóльшая часть голливудских фильмов (сюжет типового голливудского фильма – как «маленький человек» становится «суперменом», или, как вариант, как «одиночка» побеждает «систему» (Полотовский, 2006; Яновский, Приймак, 2017)).

Обратим внимание на то, что исходно философско-психологическая идея «чистой доски» в американизме превращена в идеологему, идеологический постулат. Возможность сведения человека к «чистой доске» стала американской ценностью, Америка ею гордится. Равенство возможностей, столь часто упоминаемое американцами как свойство американской социальной системы, – частная конкретизация идеи «чистой доски» как нормального первичного состояния человека. Так, эмигранты в Америке, как предполагается, имеют возможность начать жизнь с «чистого листа». Американцы, по-видимому, верили, что нацистские преступники, оказывавшиеся в США после второй мировой войны, благодаря благотворному нравственному влиянию американской системы ценностей также начнут жизнь с «чистого листа».

Однако обратной стороной этого приведения человека или общества к состоянию «чистой доски» как ценности является привнесение элемента *нигилизма* в систему ценностей общества и ценностных ориентаций индивида. Именно нигилизм усматривает М. Хайдеггер в американской идее, что из ничто можно сделать всё (потому что тогда всё можно «обнулять», возвращать в состояние «чистой доски»: «они [американцы] всё приводят к ничто (*Zernichten*) в видимости "счастья" Всех» (цит. по: Мотрошилова, 2015, с. 147)). Естественно, с надстройкой в виде искусственно культивируемой уверенности в себе.

Действительно, приписыванием человеку (или народу) исходного отсутствия какого-либо индивидуального внутреннего содержания («бессознательных чувствуемых идей») таковое, если оно есть, «убивается»,

обнуляется. Внешние свободы и права в сочетании с уверенностью в себе лишь прикрывают такое насилие над глубинной внутренней природой человека или народа. Американский социальный оптимизм (т. наз. «американская мечта») во многом связан с игнорированием исходных пред-данных индивидуальных или национальных свойств у людей, и представлением о том, что *из кого угодно можно сделать что угодно*. Напомним ставшие классикой слова известного американского психолога Дж. Уотсона: «Дайте мне дюжину нормальных, здоровых младенцев и возможность по своему усмотрению выстроить мир, в котором они будут воспитываться, и я гарантирую вам, что, взяв любого, случайно выбранного ребенка, я выращу из него такого специалиста, какого вы назовете: доктора, юриста, художника, торговца, руководителя <...> независимо от его талантов, склонностей, предпочтений, способностей, призвания или расовой принадлежности его родителей» (цит. по: Ждан, 1990, с. 241). Для американского сознания подобное насилие над глубинной внутренней природой человека или народа, т.е. собственно нигилизм, стало открывающим неограниченные перспективы «обнулением». В этом, вероятно, – «ценностное» оправдание для самих американцев цветных революций, устраиваемых ими по миру (что, впрочем, сочетается с вполне прагматической мотивацией).

В постулировании исходности состояния «чистой доски» можно усмотреть общую предпосылку ряда традиционных американских ценностных ориентаций. А.В. Трепакова приводит их обобщённый список, декларируемых самими американцами: «Активное отношение к жизни, установка на деятельность; Страсть к переменам; Дух состязания; Прямота, прямолинейность; Равенство, равноправие; Устремленность в будущее; Честность; Индивидуализм и личная свобода; Неформальность, демократизм в общении; Контроль за средой и событиями, принцип «помоги себе сам»; Практичность, материализм, потребительство; Пунктуальность и контроль за временем» (Трепакова, 2003, с. 16). Несомненно, такие ценностные ориентации привлекательны, и созвучны нашему времени. Исследователи однако отмечают их в значительной мере декларативный характер (Трепакова, 2007; Хсю, 2001). Например, ценности

«Равенство, равноправие» противоречат несколько веков беспрецедентного геноцида «недолюдей» – коренных жителей Америки, или несколько лет уничтожения современных «недолюдей» – вьетнамцев. Этой ценности противоречит и провозглашение американцами себя особой, исключительной нацией с эксклюзивными правами в мире. То же можно сказать о «Честности»: американский образ делового человека предполагает ложь и мошенничество как допустимый или даже необходимый элемент конкуренции и рыночных «игр». В большей или меньшей степени это относится и к другим ценностным ориентациям. Тем не менее, их декларативность можно списать на преходящие трудности реализации. Интереснее внутренний источник их проблемности. Этот источник, на наш взгляд, как раз локковская «чистая доска». Будучи отчужден от внутренней духовной онтологии (на её месте – «чистая доска», «внутреннее» как бы обнулено ею), американец освобожден от «интеллигентских» гамлетовских рефлексий, ценит скорее достижения вовне, причем – здесь и сейчас (этим, кстати, подготовлен к стимул-реактивным схемам социальной регуляции). Нетрудно увидеть, что большая часть приведенных ценностей носит вовне ориентированный характер: «Активное отношение к жизни, установка на деятельность»; «Дух состязания»; «Контроль за средой и событиями» и т.д. Некоторые ценности предполагают сознание себя или «своего внутреннего» как бы «чистой доской»: «Прямота, прямолинейность»; «Неформальность». Или возможность стать «чистой доской»: «Страсть к переменам».

В этом отчуждении от внутренней духовной онтологии – объяснение беспрецедентной способности адептов Рах americana к ведению очевидно несправедливых войн, не испытывая каких-либо моральных мучений о правильности-неправильности своих действий и их последствиях, а, напротив, испытывая «святую» веру в свою моральную чистоту и миссию. Состояние «чистой доски» – это внутренний моральный настрой, особенность морального самосознания, характерная для среднего американца: «что бы я ни сделал, моя совесть чиста».

Не менее важен для понимания американизма сенсуализм Локка: «нет

ничего в мыслях, чего не было бы в чувствах» (Нарский, 1964). К сенсуализму склонна англосаксонская культура в целом. Это, с одной стороны, придает ей гибкость, адаптивность, практичность. Но, с другой стороны, сенсуализм в сфере морали приводит к сведению проблемы добра-зла к вопросу об удовольствии и страдании. Действительно, Локк утверждал: *«Добром мы называем то, что способно вызвать или увеличить наше удовольствие либо уменьшить наше страдание»* (Локк, 1985, с. 280). Зло, соответственно, – то, что лишает удовольствия, либо причиняет страдание. Критерий моральности предельно упрощается: злой человек – тот, кто хочет плохого (страданий) для других людей и себя, добрый же хочет удовольствий (т.е. счастья) для себя и других. Это не что иное как гедонизм. Но гедонизм вполне гармонично сочетается с нигилизмом, является его своего рода морально-идеологической «подкладкой».

Есть и другая, не менее важная сторона такой декларации «хорошего». В американской конституции провозглашается право на стремление к счастью (которое как одно из базовых прав, наряду с правом на жизнь, свободу и т.д., также взято у Локка). Эта, на первый взгляд, гуманистическая идея приводит к тому, что показное стремление к «хорошему» становится едва ли не критерием добра. Хороший человек должен показывать, что он хочет хорошего (счастья) – это становится частью политического и морального сознания человека. Такое демонстрирование «позитивной» моральности – характерная норма американского социального поведения. (Она пронизывает и голливудское кино; в нём злодеи – это те, кто сознательно и часто демонстративно хотят «плохого».) Это «секретное» знание решения проблемы добра и зла лежит и в основе американского мессианизма («Мы несем в мир добро, потому что мы хотим хорошего»). Не требует особых доказательств, что «стремление к хорошему» часто служило и служит прикрытием разнообразных форм извращения морали и политики (фашизм как идеология стремится к «хорошему»).

(Отметим и определённые рамки, задаваемые самим английским языком. В английском языке основа морального сознания – *совесть* – обозначается словом *conscience*, что на самом деле означает *сознание, сознательность*. В чем

разница? Совесть идет изнутри, из глубины. Сознательность – это контроль, самодисциплина. В сознательности Супер-эго ограничивает наше гедонистическое Эго, или Ид. Поэтому американское (и английское) моральное сознание ограничено функционированием простой схемы «ищущий удовольствий Ребенок» – «наказывающий Родитель».)

Таким образом, понятна основа своеобразного американского энтузиазма, своего рода веры в чудо: из ничего (= из «чистой доски») можно сделать всё, а всё, если понадобится, можно обнулить (привести в состояние «чистой доски»). Зачастую эта вера воспринимается как вдохновляющий титанизм, и он составляет своеобразное обаяние «американского духа». Но обратной стороной этого «титанизма» есть отрицание природности, естественности как возможного свойства каких-либо явлений. Все явления для адепта Рах americana искусственны, могут или должны быть сделаны (отсюда стремление все конструировать, не только технические, но и природные, и социальные, и психологические, и даже религиозные системы). Или явления воспринимаются как кем-то сделанные (отсюда склонность к различным паранойяльным проявлениям, маниям как свойство американского сознания; один из последних тому примеров – абсурдно длительный ажиотаж в американском обществе вокруг истории о якобы вмешательстве России в американские выборы; ещё один поражающий воображение пример – поднятый телекорпорацией CNN в 2017 г. скандал по поводу «атаки» управляемых из России покемонов, при помощи которых она воздействовала на американцев (Exclusive ...)).

Отрицание доопытного бессознательного знания оказало влияние также на формы и стиль умственной деятельности, развивающейся на основе такого отрицания. Субъект (разум и воля) у Локка потерял измерение глубины. Сформировалось обеднённое представление о формах работы мышления. Локк сводит формы активности ума (способы комбинирования идей) к трём: суммирование идей, сравнение идей и суммирование идей в форме обобщения (Нарский, 1964, с. 250; Локк, 1985, с. 204-212). Операция суммирования идей из

этого списка в наше время рассматривается скорее как операция воображения – агглютинация, или, если это в мышлении, – создание синкрета, что есть элемент дологического мышления. Все три операции вместе могут обеспечивать именно лишь комбинаторику идей (Локк, напомним, основоположник ассоцианизма), без возможности их аналитического углубления. Нет «тонкого», не-эмпирического (трансцендентного) идеального мышления. Это объяснимо: душа изначально «чистая доска», нет ничего в мыслях, чего не было бы в опыте (Нарский, 1964). Тем самым Локк отрицает саму возможность самостоятельного и самоценного абстрактно-понятийного мышления. Напомним, понятие «идея» у Локка прилагается недифференцировано и к ощущениям, и к понятиям. Тем самым сознание огрубляется: неразличение абстрактного и конкретного на практике приводит к тому, что всякое абстрактное сводится к конкретному, и как следствие – к подмене мышления воображением, идей – чувственными образами, и подмене познания созданием и конструированием квази-чувственной виртуальной реальности. Так формируется основа для возможной метафизической вражды с реальностью, существующей самой по себе. В той или иной степени, это свойственно американскому сознанию. М. Хайдеггер говорит: «В американизме нигилизм достигает апогея» (цит. по: Мотрошилова, 2015, с. 147).

Эта вражда с реальностью, собственно, заложена уже в идее души как «чистой доски». Отрицание внутреннего глубинного непроявленного проецируется вовне – на внешнюю реальность, «субстанцию». «Субстанция» описывается Локком как предполагаемая бескачественная «подставка» для наблюдаемых качеств (Локк, 1985, с. 346). Т.е. внешняя реальность – опять же оплощённая «чистая доска», на которой неведомым художником «нарисованы» качества, первичные и вторичные. Это создает ряд следствий. В частности, в так понимаемом мире насилие перестаёт быть насилием, оно становится своего рода перерисовыванием мира (конечно, с лучшими намерениями). История заселения и становления США – хорошая тому иллюстрация. Другое не менее интересное следствие – невозможность процессов развития в так понимаемой реальности.

Ведь развитие – это раскрытие и реализация возможностей. Вместо развития в локковско-американском мире происходит разрисовывание, расцвечивание «подставки»-реальности какими-либо качествами, и перекомбинирование этих качеств. Кроме того, ложь в таком мире перестаёт быть ложью, а становится частью игры.

Таким образом, рассмотрение философско-психологических идей Дж. Локка, сыгравшего важную роль в становлении идеологической основы США, позволяет раскрывать психологическую сущность американской системы ценностных ориентаций и мировосприятия, особенностей американского менталитета. Особенное значение имеет локковская идея «чистой доски» как исходного состояния человеческой души. Вероятно, именно она является «сердцевинной» многих особенностей «американизма». Обратной стороной её является отрицание, нигилизм в отношении возможной пред-данности внутренней духовной онтологии индивида или народа, а также элементы нигилизма и в отношении к внешней реальности.

Литература

- Американизм. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/catholic/192/%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC>
- Ждан А.Н. История психологии: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
- Крашенинникова В. «Россия – Америка: холодная война культур». Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1392650305.pdf> (дата обращения: 17.12.2018)
- Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1 / Ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1985. 621 с.
- Лоциц Ю.М. Сковорода. М.: Молодая гвардия, 1972. 224 с.
- Мотрошилова Н.В. «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131-162.
- Нарский И.С. Локк // Философская энциклопедия: в 5 т. / Глав. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 248-251.

Петрушко В.И. Преподобный Сергей Радонежский и его влияние на развитие русского монашества в конце XVI – начале XV вв. // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2014. Вып. 2. С. 9-34.

Полотовский С.А. Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России: межкультурные связи в контексте международных отношений: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2006. 120 с.

Тарасов Б. «Отчет о виденном, слышанном и прочитанном» // Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2006. С. 5-47.

Трепакова А.В. Современное американское кино в социально-культурном аспекте. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. М.: МГУ, 2003. 20 с.

Трепакова А.В. Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи. – М.: КДУ, 2007. 112 с.

Хсю, Ф. Базовые американские ценности и национальный характер // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 204-228.

Яновский М.И., Приймак А.Ю. Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я-концепции зрителя (постановка проблемы) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. С. 416-427. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427

Exclusive: Even Pokémon Go used by extensive Russian-linked meddling effort [Электронный ресурс]. URL: <https://money.cnn.com/2017/10/12/media/dont-shoot-us-russia-pokemon-go/index.html>

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL IDEAS OF JOHN LOCKE AS THE KEY TO UNDERSTANDING OF AMERICAN VALUES

M.I. Yanovsky, V.N. Yagodkin

Annotation. The article analyzes some of the foundations of the value and worldview features of the American worldview. The role of the theory of "clean Board" J. Locke in the formation of the American system of values and American mentality. Non-recognition of implicit knowledge and implicit ideas in the individual and social consciousness is interpreted as the "non-rootedness" of man in the timeless. Many traditional American values (such as the desire for self-confidence, the passion for change, etc.) can be seen as a consequence of non-rootedness.

Key words: "clean Board", Locke, American values, American mentality.

ТЕОРИИ КАУЗАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2019 г. Бубнова С.С.*

* кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности Института психологии Российской Академии Наук, ss.bubnova@gmail.com.

e-mail:

Аннотация: В работе были изучены атрибутивные теории мотивации в зарубежной психологии. Процесс приписывания причин тому или иному явлению - каузальная атрибуция (Ф. Хайдер). Связь атрибутивного стиля объяснения и мотивации поведения (Б. Вайнер). Три параметра атрибутивного стиля объяснения: стабильность, контролируемость и локус контроля. Теория выученной беспомощности М. Селигмана. Пессимистический и оптимистический стиль объяснения и его характеристики по М. Селигману: постоянство, ширина и персонализация. Опросник атрибутивного стиля объяснения.

Ключевые слова: Каузальная атрибуция, атрибутивные теории мотивации, теория выученной беспомощности, локус контроля, стиль объяснения, опросник стиля объяснения, типы атрибуции.

1. Каузальная атрибуция: обзор темы, основные функции казуальной атрибуции.

Предсказание успешности индивида – тема, которой посвящено множество научных работ по психологии личности. Особенно широко эта проблема освещается теоретиками когнитивного подхода, которые рассматривают её со следующей точки зрения. В трактовке поведения окружающих человек, не обладая данными о внутренних душевных процессах других людей, обычно вынужден руководствоваться только лишь частичной информацией, объясняя их поступки и состояния различными причинами. Данный феномен – приписывание причин событию – принято называть каузальной атрибуцией. Теоретические представления об этом явлении впервые были сформулированы Ф.Хайдером (Heider, 1958).

Практически все когнитивные теории выделяют следующие причины:

- Неясность или необычность, неожиданность для наблюдателя (см.

Hastil, 1984; Wong, Weiner, 1981, Lan, Rusnell, 1980).

- Личностная значимость ситуации и наличие негативных эмоций, связанных с ней (см. Bohner et al. 1988)
- Потеря контроля над ситуацией, плохое настроение (см. Lin, Steele, 1986)

Каузальная атрибуция как феномен межличностного восприятия оказывает сильное воздействие на формирование личности и несёт в себе ряд функций. Во-первых, таким образом человек получает ощущение контроля над воздействием окружающего мира (см. Kelley, 1972; Bohner et al. 1988). Хайдер, как и большинство учёных-когнитивистов, предполагал существование у человека двух главных потребностей: упрощение представлений о мире и контроль над окружающей средой. Прогнозирование развития ситуации и действий окружающих даёт возможность удовлетворить обе эти потребности одновременно. Иначе субъект может столкнуться с пониманием, что мир – это совокупность хаотических факторов, не поддающихся контролю.

Во-вторых, каузальная атрибуция помогает сформировать эмоциональную сферу. Настолько, что особенности каузальной атрибуции напрямую влияют на характер переживаемых эмоций, как мы увидим далее (Weiner, 1982, 1986).

В-третьих, каузальная атрибуция оказывает влияние на ожидания и поведение человека. Например, школьники, объяснявшие своё поведение внутренними причинами, приписывали свою успешность результатам собственных усилий и говорили о необходимости дальнейшей работы в данном направлении в будущем (см. Dweck, 1975).

Каузальная атрибуция и локус контроля.

Изначально теория атрибуции создавалась для объяснения процесса каузальной атрибуции в межличностном общении и взаимодействии (теория Э.Джонса и К.Девиса, модели ковариации и каузальные схемы Г.Келли). Теория локуса контроля Дж.Роттера (Rotter, 1966) создавалась для объяснения атрибутирования в рамках социального взаимодействия, а Роттер связал

атрибутивный стиль с мотивацией достижения. Под локусом контроля обычно понимают стремление индивида объяснять происходящие с ним события либо собственными усилиями (внутренний локус контроля), либо внешними обстоятельствами (внешний локус контроля). Так Роттер описывает два способа атрибутировать происходящее. Согласно его теории, люди подразделяются на «интерналов» и «экстерналов» в зависимости от того, как они определяют причины различных ситуаций в их жизни. Так, «интерналы» считают, что они сами контролируют происходящее, вне зависимости от того, оценивается ли ситуация как позитивная или негативная. «Экстерналы» же воспринимают события как результат влияния внешних по отношению к ним факторов.

По Роттеру, «экстерналы» обладают низкой мотивацией достижения, поскольку они не рассчитывают на себя, на свои способности и усилия, приписывая исход событий внешним обстоятельствам. «Интерналы» же, напротив, обладают высокой мотивацией достижения, поскольку они уверены в своей способности влиять на происходящее.

Над проблемой связи атрибутивного стиля и мотивации достижения работал и Б.Вайнер, создавший атрибутивную теорию мотивации. В своих работах он упоминает результат экспериментов бихевиористов с крысами и голубями. В случае прекращения подкрепления, животные продолжали нажимать на педаль, в то время как люди осознавали, что их усилия тщетны, и останавливались. Вайнер объяснял это тем, что значение имеет то, насколько хорошо люди понимают причину, по которой подкрепление прекратилось. Те, кто связывал прекращение стимулирования с временными причинами (например, сломалось оборудование), продолжают стараться, а те, кто считает прекращение подкрепления постоянным (например, экспериментатор решил больше не вознаграждать испытуемых), прекращают попытки.

Исследуя процесс атрибуции, Вайнер и Кукла провели экспериментальное исследование (Weiner, Kukla, 1970) и обнаружили, что люди, обладавшие высокой мотивацией достижения, воспринимали успешные результаты как

нечто связанное со способностями, знаниями и умениями, а неудачу склонны были объяснять недостатком умений. Индивиды же с низкой мотивацией достижения полагали, что причиной их успеха является лёгкость задачи, случайность или благоприятное стечение обстоятельств, а причиной неуспеха - недостаток способностей. Не стоит упускать из виду и тот факт, что люди с высокой мотивацией достижения склонны оценивать свои способности высоко, а люди с низкой мотивацией достижения, напротив, низко (Weiner, Peterson, 1970).

Опираясь на работы Ф.Хайдера и теорию локуса контроля Дж.Роттера, Б.Вайнер выдвинул собственную гипотезу, по которой стиль атрибуции влияет на мотивацию достижения. В теории Вайнера объяснения причины позитивного или негативного результата деятельности классифицируются по двум параметрам. Во-первых, локус. То есть, является ли атрибуция внешней или внутренней. Во-вторых, стабильность. Является ли данная причина временной или постоянной.

Б.Вейнер разработал следующую модель: если способность - это внутренний и относительно стабильный фактор, тогда усилия – это внутренний и нестабильный. Трудность задачи - внешний стабильный фактор, а удача - внешний нестабильный. Вайнер исходил из того, что эти атрибуции (способности, усилия, сложность задачи и удача) наиболее характерны и являются основными для деятельности, направленной на достижение, но не являются единственно возможными. (Weiner, 1985).

Вслед за Вайнером, и другие исследователи провели ряд экспериментов, которые показали, что люди, оценивая результаты своей деятельности, могут учитывать значительно больше факторов, чем те четыре, которые описывал Вайнер (см. Гордеева, 2002). С целью интеграции этих новых данных в свою модель Вайнер (Weiner, 1979) добавил третий параметр - контролируемость - неконтролируемость причины субъектом, что привело к выделению восьми типов причин в его атрибутивной модели (см. табл. 1)

Таблица.1

Модель каузальной атрибуции Б.Вайнера (Weiner, 1985)

	Внутренняя		Внешняя	
	Стабильная	Нестабильная	Стабильная	Нестабильная
Контролируемая	Отношение к учебе (усердие, лень)	Старание (в данный момент)	Типичная Помощь учителя	Помощь, получаемая от других людей
Неконтролируемая	Способности	Телесное и душевное состояние (усталость, настроение)	Сложность задания	Случай

В обновленной модели каузальной атрибуции Вайнера различаются стабильная контролируемая причина, стабильная неконтролируемая, внутренняя контролируемая и внутренняя неконтролируемая. Также из модели следует, что и внешние причины могут быть контролируемыми. Последующие исследования подтвердили, что контролируемость – это чрезвычайно важный параметр, в значительной степени влияющий на положительную оценку субъектом возможности будущих успехов и предсказания его поведения в ситуации достижения.

Стоит отметить, что согласно теории Вайнера, испытываемые субъектом эмоции также являются значимой составляющей его мотивации. Поэтому в своей теории исследователь также учёл и эмоциональные реакции, а также когнитивные предикторы мотивации. Как указывают сторонники атрибутивного подхода (Weiner, 1986), анализ эмоций предполагает исследование временной последовательности, в рамках которой более сложные эмоции возникают постепенно, помогая человеку точнее определять и различать нюансы своего аффективного опыта. С точки зрения когнитивной психологии, когниции первичны по отношению к эмоциям, они создают эмоции. Вайнер приводит следующие примеры, описывающие последовательность «когниция - эмоция», которые хорошо описывают сложность эмоциональных переживаний: «Я только

что получил двойку за экзамен. Это очень низкая оценка» (это рассуждение вызывает относительно легкие чувства фрустрации и расстройства). «Я получил эту оценку, потому что не постарался, как следует» (это размышление сопровождается чувством вины). «Очевидно, со мной что-то не так (мне чего-то не хватает)» (это рассуждение приводит к сомнениям в собственной успешности, низкой самооценке). «Того, что мне не хватает, мне по-видимому, всегда будет не хватать» (это заключение вызывает ощущение беспомощности).

Альтернативную ситуацию можно представить следующим образом. «Я только что получил на экзамене «отлично». Это очень высокая оценка» (это когнитивное представление возбуждает радость). «Я получил эту оценку, потому что очень хорошо работал в течение учебного года» (это убеждение запускает чувство удовлетворения и расслабления). У меня действительно есть положительные качества, которые мне помогут в будущем» (это рассуждение указывает на высокую самооценку).

Так Вайнер показал (Weiner, 1982, 1986), что характер эмоционального переживания связан со стилем атрибуции. Например, такой параметр как стабильность связан с эмоциями, отражающими представления о будущих результатах. Если причина неудач определяется как фактор стабильный, неизменный (способности), то это естественно может порождать негативные переживания, поскольку в таком случае стабильно низкие способности будут постоянно приводить к неудовлетворительному результату. И наоборот, если причина неудачи – это временный фактор, значит, в другой ситуации можно ожидать других результатов.

Поэтому параметр локуса контроля, по Вайнеру, связан с чувством гордости и другими характеристиками самооценки. Если человек считает, что причиной его академических успехов являются талант и трудолюбие (или другие личностные характеристики), а не помощь преподавателя или лёгкость задачи, он будет испытывать гордость за результат своей деятельности.

И, наконец, параметр контролируемости, по гипотезе Вайнера, связан со стремлением индивида продолжать заниматься определённой деятельностью,

проявлять усилия и настойчивость при решении различных задач. Те, кто убеждён, что на достижение успеха сильное влияние оказывают внешние факторы, а не собственные усилия, обладают низкими ожиданиями успеха и проявляют низкую мотивацию достижения (Graham, 1991).

Стоит отметить, что определённые сложности возникли с надёжностью классификации каузальной атрибуции. Участники эксперимента по-разному трактовали предложенные параметры с точки зрения стабильности и других характеристик. Например, С. Кранц и С. Руд просили респондентов определить 4 характеристики причин (усилия, способности, трудность задачи, удачу) в терминах теории Вайнера. Было обнаружено, что более 50 % респондентов понимают способность как нестабильный фактор, как то, что подтверждено изменению и развитию (Krants, Rude, 1984, Dweck, 1986). Кроме того, такой параметр, как усилие, не всегда воспринимался, как то, что поддаётся контролю. Как показано в работе А. Бандеры, люди, напряжённо работающие, но не добивающиеся положительных результатов, перестают верить в успех, и, как следствие, не могут поддерживать усилия на должном уровне (Bandera, Cervone, 1986).

Классификация Вайнера была усовершенствована другим теоретиком и критиком атрибутивного подхода Мартином Селигманом, использовавшим работы Вайнера в качестве одного из отправных пунктов своих исследований.

Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана.

Мартин Селигман в своих исследованиях обращает внимание на то, что одни люди в ситуации неудачи пытаются решать проблемы, а другие - пассивны и быстро прекращают предпринимать усилия. Селигман (Seligman, 1975, Seligman et al. 1995, Seligman, 1997) подвергает анализу адаптивную реакцию на неудачи во всех её проявлениях: на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Согласно его гипотезе, опыт длительных неудач, череда тяжёлых жизненных событий может сильно снижать ожидания субъекта

относительно его будущей успешности.

В ходе изучения механизмов формирования выученной беспомощности у людей, Селигман выдвигает следующую гипотезу: отличительным показателем беспомощности у людей по сравнению с животными является её когнитивная составляющая – атрибутивный стиль (он же – стиль объяснения), то есть то, чему именно люди приписывают причины происходящих с ними событий, как позитивных, так и негативных.

В теории беспомощности также утверждается, что определенный атрибутивный стиль связан с депрессивными нарушениями и даже приводит к их появлению. В работе Л. Абрамсон, М. Селигмана и Дж. Тисдейла было высказано предположение, что люди, склонные к депрессии, склонны объяснять неудачи внутренними, стабильными и глобальными причинами (Abramson, Seligman, Teasdale, 1978). В работе Селигмана, Абрамсон, и фон Байера (Seligman et al. 1979) постулировалось, что и оценивание собственного успеха осуществляется по тем же характеристикам, но с обратным знаком: склонные к депрессии люди должны приписывать успех внешними, специфическими и нестабильными факторами.

Таким образом, тип атрибуции, который обозначается как стабильно-глобально-внутренний (относительно неудач) способствует генерализации беспомощности во времени, переносу её на другие виды деятельности, а внутренний атрибутивный стиль негативно воздействует на самооценку индивида. Объяснение своей неудачи стабильными, глобальными и внутренними факторами делает возможной наиболее широкую генерализацию беспомощности. Первым подтверждением этих постулатов стали результаты Теннена и Эллера - в отношении силы (Tennen, Eller, 1977 по Гордеевой Т.О.), и исследования Двек и Репуччи - в отношении генерализации, согласно которому максимальный перенос беспомощности на другие виды деятельности имеет лишь у тех детей, которые объясняют свои низкие результаты общей неспособностью (Dweck, Repucci, 1973, по Гордеевой, 2002).

Селигман также обращает внимание на то, что в атрибуции индивидуальных позитивных и негативных моментов может присутствовать некоторая несимметричность. Исследователь находит её желательной и крайне адаптивной. Так, при успехе атрибутирование к постоянным факторам, например, способностям, успешно сочетается у них в случае неудачи к временным факторам, например, недостатку усилий («Я не постарался») или неважному самочувствию («Я устал»). Аtribuтирование к широким (универсальным) факторам в случае удачи сочетается с атрибутированием к конкретным факторам в случае неудачи (например, при провале на экзамене - «Преподаватель - нечестный»). Наконец, использование внутренних причин для объяснения собственных успехов («Я умный») сочетается у адаптивных индивидов с использованием внешних - при неудаче («Ты - глупый»). Как мы видим, Селигман включил представления Вайнера в более широкий контекст, объясняющий гораздо более широкий круг событий, в том числе и тех, которые не зависят от воли индивида.

Рассмотрим основные характеристики стиля атрибуции более подробно. Первая характеристика - постоянство - временная, она имеет отношение к объяснению причин происходящих с индивидом событий постоянными или временными факторами. Другой параметр - широта - пространственная, она имеет отношение к системе универсальности оценки индивидом происходящих с ним событий - склонен ли он к чрезмерному обобщению или, наоборот слишком конкретному рассмотрению отдельно взятых ситуаций. Наконец, последняя характеристика особенностей стиля объяснения - персонализация - отвечает на вопрос «кто виноват?». Приписать вину можно или себе, или другим людям и событиям. Обвинение в неудачах самого себя ведет к снижению самооценки, а уверенность в отсутствии своей вины способствует повышению самооценки в трудных ситуациях (Селигман, 1977).

Табл. 2

Пессимистический и оптимистический стили объяснения (Seligman, 1990)

Параметры объяснения	Характер событий	
	Неприятности	Благоприятные
ПОСТОЯНСТВО	Примеры утверждений (курсивом выделены пессимистические утверждения)	
Постоянный	<i>Я дурной человек; Ты вечно ворчишь; Начальник настоящий придурок</i>	<i>Я гениальн(а); Мне повезло в жизни; Мой соперник глуп</i>
Временный	<i>Я выдохся; Ты недовольна, если я не уберу свою комнату; Начальник в плохом</i>	<i>Это мой счастливый день; Я стараюсь из всех сил; Мой соперник устал</i>
ШИРОТА		
Конкретный	<i>Профессор Х ставит оценки пристрастно; Я для него неприятна; Эта книга бесполезна</i>	<i>Я хорош в математике; Она считала меня обаятельным; Мой мажор сродни е</i>
Универсальный	<i>Все преподаватели пристрастны; Я отвратительна;</i>	<i>Я многосторонне развит; Я привлекателен</i>
		биржевой рынок
ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ		
Внутренний подход	<i>Я глупый; Нет у меня таланта картежника;</i>	<i>Я умею воспользоваться везением; Мое мастерство</i>
Внешний подход	<i>Ты неумный; Не везет мне в</i>	<i>Повезло; Поддержка моих</i>

Селигман при описании отказался от параметра контролируемости и добавил параметр широты, или обобщённости, предсказывающий депрессию.

Как указывалось выше, Селигман предположил, что люди делятся на две группы в зависимости от того, что они думают о своих неудачах; причём первая группа – это люди с адаптивным оптимистическим мышлением, а вторая - люди с неадаптивным пессимистическим мышлением. Те люди, которые легко

сдаются, привычно говорят о своих неудачах: «Что же вы хотите, это же я, так будет всегда, со всем, к чему бы я ни прикасался». Те же, кто старается не поддаваться неудачам, люди с оптимистичным стилем объяснения, говорят: «Так сложились обстоятельства, всё это быстро пройдет, и к тому же в жизни есть много всего другого интересного». С точки зрения Селигмана, стиль объяснения проявляется в реакциях на самые разные жизненные обстоятельства, как связанные с достижениями, так и с межличностными отношениями.

Пессимистический стиль атрибуции – это объяснение нежелательных событий личным, то есть внутренними характеристиками, которые представляются индивиду постоянными и общими (глобальными, универсальными), а оптимистический стиль – внешними, временными и конкретными. Напротив, желательные для человека события при пессимистическом стиле объяснения рассматриваются как временные, конкретные («этот предмет мне легко даётся») и внешними (т.е. вызваны внешними, случайными причинами, например, везением), а при оптимистическом стиле – как постоянные, глобальные (универсальные) и вызванные личностными причинами (талантом, трудолюбием).

Эти характеристики рассматриваются Селигманом в основе трёх базовых причин, которые объясняют, почему есть люди, не склонные к экзогенной депрессии, даже под воздействием психотравмирующих факторов (Peterson, Seligman, 1984). По сути, стиль объяснения понимается им как личностная черта, присущая индивиду. На основании проведённых исследований Селигман утверждал, что пессимистический стиль объяснения является достаточно стабильной характеристикой личности, которая формируется к подростковому возрасту. О её стабильности говорит тот факт, что в исследовании Мелани О. Бернс и М. Селигмана была обнаружена высокая корреляционная связь между стилем объяснения в юношеском возрасте и спустя 50 лет (Burns, Seligman, 1989).

Стиль объяснения как личностная переменная. «Опросник стиля объяснения».

Так как атрибутивный стиль согласно теории Селигмана понимается как параметр индивидуальных различий, другими словами, личностная черта, то легко предположить, что его можно измерить с помощью теста. Селигман, Петерсон и их коллеги (Abramson, Baeyer, Metalsky, Peterson, Seligman, Semmel, 1982, по Гордеевой, 2004) разработали «Опросник атрибутивного стиля» (ASQ). Для получения надёжной оценки стиля объяснения подвергаться атрибуции должны не отдельные реальные события (например, выполнение задания, при котором экспериментатор создает ситуацию беспомощности для испытуемых в целях изучения их поведения в данных условиях). Как отмечает Хекхаузен, «такая оценка предполагает атрибутирование гипотетических ситуаций, каждая из которых должна быть представлена и с позитивным, и с негативным исходом» (Хекхаузен, 2003. с. 764).

Половина ситуаций в тесте ASQ относится к сфере достижений, тогда как вторая половина – к сфере межличностных взаимодействий. Задача испытуемых состоит в том, чтобы соотнести себя с предлагаемыми ситуациями, представив, что они (испытуемые) вовлечены в каждую из них, и указать причины описываемого исхода в каждой ситуации. Все причины оцениваются по трём параметрам стиля объяснения; в итоге испытуемый получает балл, который говорит о выраженности у него оптимистического или пессимистического стиля объяснения.

Немецкая версия опросника атрибутивного стиля была разработана и апробирована Дж. Брунштейном (Brunstein, 1986), русская версия - Л.М.Рудиной (Рудина, 2002).

Селигманом и коллегами был разработан и детский вариант теста - CASQ. Этот вопросник состоит из 24 ситуаций, описывающих благоприятные события, и 24 ситуаций, описывающих неблагоприятные события в четырёх областях: учеба в школе (например, «Ты получил отлично за контрольную работу»), общение со сверстниками («Некоторые знакомые тебе ребята говорят, что ты им не нравишься»), взаимодействие с родителями («Твои родители ценят то, что ты делаешь») и блок, описывающий события, относящиеся к здоровью и некоторым другим сферам жизнедеятельности. По инструкции ребёнку необходимо представить себе описываемую ситуацию и выбрать из двух ответов тот, который наилучшим образом описывает его восприятие данной ситуации.

Приведем примеры пунктов из теста CASQ:

Ты получил(а) «отлично» за контрольную работу.

А. Я хорошо соображаю.

Б. Я хорошо разбираюсь в вопросе, которому была посвящена контрольная работа.

Тебя нечасто зовут в гости.

А. Я не люблю часто бывать в гостях.

Б. я не очень интересный(ая) собеседник(ца).

Благодаря сравнению результатов CASQ, успеваемости и уровня депрессии подростков в рамках одного из лонгитюдных исследований Селигманом было доказано, что существует два фактора риска, сказывающихся и на успеваемости, и на эмоциональном фоне. Это пессимистический стиль атрибуции и неблагоприятные жизненные события (развод родителей, смерть кого-то из членов семьи, потеря работы кем-то из родителей (Seligman, 1990).

Атрибутивный стиль и экзогенная депрессия

В теории беспомощности постулируется, что стабильно-глобально-внутренний стиль объяснения негативных событий связан с депрессивными нарушениями (прежде всего речь идёт об экзогенной депрессии) и даже приводит к их появлению (Seligman, 1997).

Исследования, которые проводились с целью подтверждения или опровержения данной гипотезы, можно отнести к двум типам. С одной стороны, для подтверждения этой модели у студентов с помощью «Опросника депрессивных состояний» Бека (Beck, 1967) замерялся уровень депрессивности и соотносился с типом причинных объяснений воображаемых событий (определявшимся с помощью опросника стиля объяснения). Типичное исследование этого рода принадлежит Селигману, Абрамсон, Семмелю и Бэйеру (Seligman, Abramson, Semmel, Baeyer, 1979). Полученный коэффициент корреляции депрессивности с показателем атрибутивного стиля для негативных событий составил 0,48. Высокое значение коэффициента корреляции получил в аналогичном исследовании на немецкой выборке Брунштейн (Brunstein, 1986).

Исследования второго типа имеют дело с пациентами, демонстрирующими клинические формы депрессии (см. Brewin, 1985; Peterson, Seligman, 1984; Abramson, Peterson, Raps, Reinhard, Seligman, 1982, по Хекхаузен 2003). По сравнению с другими больными, такими как пациенты психиатрических клиник с недепрессивными расстройствами и пациенты хирургических отделений больницы, депрессивные больные демонстрируют явную склонность к пессимистической атрибутивной модели. Это свойственно всем группам депрессивных пациентов, отличающихся друг от друга по диагнозу и течению

заболевания (Eaves, Rush, 1984, по Хекхаузен 2003).

Селигманом также утверждалось, что пессимистический стиль объяснения является не только симптомом депрессии, но и предпосылкой возникновения депрессивных расстройств. Как справедливо указывает Х. Хекхаузен (см. Хекхаузен, 2003), для подтверждения такого рода связи необходимы лонгитюдные исследования, как минимум с двумя замерами. Так Golin, Sweeney, Shaeffer (1981; там же) измеряли атрибутивный стиль и депрессивность (по прошествии 30 дней между замерами). Анализ полученных данных выявил, что атрибутивный стиль определяет депрессию, и наибольшее значение имеет его стабильность.

Следующий шаг - это тезис о том, что самого по себе пессимистического стиля атрибуции для возникновения депрессии недостаточно. Для того чтобы наступило депрессивное состояние, к пессимистическому стилю атрибуции должно добавиться негативное жизненное событие. Если такое событие имело место, то приступы депрессии, по Селигману, становятся предсказуемыми.

С другой стороны, существует ряд исследований, результаты которых не подтверждают тезис о том, что пессимистический стиль объяснения в ситуации негативных событий чаще приводит к депрессии. Примером может служить эксперимент Кохрана и Хаммена (Cochran, Hammen, 1985), в котором студенты, пережившие тяжелое жизненное потрясение, два раза, с промежутком в два месяца, заполняли опросники стиля объяснения и депрессивности. Пессимистическому стилю объяснения во время первого замера не сопутствовала депрессия во время второго замера. Кроме того, депрессивность в первый момент времени предшествовала повышенному контролю во втором замере.

Как подчеркивает Х.Хекхаузен, «внутренняя, стабильная и глобальная атрибуция не коррелирует с депрессивными симптомами» (Хекхаузен, 2003, с.767). Очевидно, что для доказательства причинной роли атрибуции необходимы статистически более сложные и долговременные форматы экспериментальных исследований по проверке связи атрибуции с психогенной

депрессией.

В качестве объяснения представим следующие положения, высказанные в настоящей работе. Ощущение контролируемости событий имеет большое значение для психологического благополучия личности. Это подтверждают многочисленные исследования, в том числе проведённые в рамках когнитивной психологии. Психологи-когнитивисты убедительно доказали, что чувство контроля за собственной жизнью повышает самооценку, влияет на мотивацию достижения, а также и на эмоциональный фон, поэтому психологически здоровые люди склонны избегать ситуаций, которые они не могут контролировать (Brehm S., Brehm J., 1981; Weiner, 1985; Glass, Singer, 1972; Abramson, Seligman, Teasdale, 1978 и другие). Исследования М.Селигмана говорят в пользу гипотезы о связи между пессимистическим стилем атрибуции собственных удач и неудач и психогенной депрессией. Важным шагом на пути к преодолению беспомощного поведения индивида является изменение его собственного стиля объяснения. Опросники стиля объяснения CASQ и ASQ М.Селигмана позволяют выявлять индивидуальный атрибутивный стиль детей и взрослых людей. Результаты данных опросников дают материал для коррекционной работы с помощью психолога и для самостоятельной работы, направленной на саморазвитие и реализацию потенциала личности

Литература

1. Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / Под ред.
2. Д.А.Леонтьева. - М.: Смысл, 2002.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. - М.: Смысл, 2004.
4. Гулевич О.А., Безменова И.К. Атрибуция: общее представление, направление исследований, ошибки. - М.: РПО, 1998.
5. Зелигман М. Как научиться оптимизму. - МлПерсей, 1997.
6. Рудина Л.М. Тест на оптимизм: метод определения атрибутивных стилей (на основе "Attributional Style Questionnaire" М.Селигмана): Методическое пособие под ред.
7. В.М.Русалова. - М., 2002 (рукопись).

8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - 2-е изд. - СПб.: Питер, 2003.
9. Abramson, L.Y., Seligman, M.E.P., & Teasdale, J.D. (1978). Learned helplessness in humans *Journal of Abnormal psychology*. Vol.87, Pp. 49-74.
10. Dweck C.S. (1986). Motivational Processes Affecting Learning. *American Psychologist*, vol. 41 (10) 1040-1048.
11. Graham S. (1991). A review of attribution theory in achievement contexts. *Educational Psychology Review*, Vol. 3, No.1. P.5-39.
12. Krantz S.E., Rude S. (1984). Depressive attributions: selection of different causes or assignment of different meanings // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 47, pp. 193-203.
13. Metalsky, G.L., Abramson L.Y., Seligman M.E.P., Semmel A., Peterson C. (1982). Attributional styles and life events in the
14. classroom: Vulnerability and invulnerability to depressive mood reactions. *Journal of Personality and Social Psychology*.
15. Peterson C., Seligman M.E.P/ (1984). Causal explanations and a
16. risk factor for depression: theory and evidence. *Psychological Review*, 91, 347-374.
17. Rotter J.B. (1966) Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. - *Psychological Monographs*. 80, 1. P.1-28.
18. Seligman M.E.P. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman.
19. Seligman M.E.P. (1990/1991). *Learned optimism*. New York: Alfred A.Knopf.
20. Seligman M.E., Reivich K., Jaycox J., Gilham J. (1985). *The optimistic child*, Boston: Houghton Mifflin.
21. Weiner B. (1979). A theory of motivation for some classroom experience // *Journal of Educational Psychology*. Vol. 71. pp.3-25.
22. Weiner B. (1982). The emotional consequences of casual attributions // *Affect and cognition: The 17-th annual Carnegie Symposium of Cognition* / Ed. By M.S. Clark, S.T. Fiske, Hillsdale, NJ, Erlbaum. Pp. 185-210.
23. Weiner B. (1986). *An attributional theory of motivation and emotion*. New York: Springer-Verlag.
24. Weiner B., Kukla A. (1970). An attributional analysis of achievement motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 15.
25. Детский опросник оптимистического-пессимистического стиля объяснения (Т.О. Гордеева, О.В. Крылова).

Theories of causal attribution in foreign psychology.

Bubnova Svetlana Sergeevna

Annotation. In the work, attributive theories of motivation in foreign psychology were studied. The process of attributing causes to a particular phenomenon is causal attribution (F. Hyder). The relationship of the attributive style of explanation and motivation of behavior was examined by B. Weiner. Three parameters of the attributive style of explanation: stability, controllability and locus of control. The theory of learned helplessness M. Seligman. Pessimistic and optimistic style of explanation and its characteristics according to M. Seligman: constancy, controllability and personalization. Attributive style of explanation Questionnaire.

Keywords: Attributive theories of motivation, causal attribution, theory of learned helplessness, locus of control, style of explanation, questionnaire of style of explanation, types of attribution.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЧУВСТВ*

© 2019 г. Тихомирова С.В.**

** Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул.

Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: sti@ipras.ru

Аннотация: В статье поставлена проблема детерминации мировоззренческих чувств человека, как одной из устойчивых психических структур человека наряду с установками, ценностными ориентациями, сложившимися отношениями, убеждениями. В качестве основного фактора формирования мировоззренческих чувств предложено рассмотрение переживаний человека на протяжении его жизненного пути. В категории переживание выделены основные свойства и дано авторское определение категории переживание на основе работ С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского. На примере праздничных переживаний показан механизм формирования идентичности человека со значимыми для него социальными группами, обозначен духовно-нравственный потенциал праздника и тем самым мировоззренческая сущность праздничных переживаний, формирующих устойчивые мировоззренческие чувства причастности к таким малым группам как семья и таким большим социальным группам как государство и этнос. Рассмотрены деструктивные воздействия на мировоззренческие переживания, и, соответственно, на мировоззренческие чувства человека в социальных сетях, предложены способы защиты человека от деструктивных влияний при общении и взаимодействии в социальных сетях. Обоснована необходимость разработки практических мер по такой защите.

Ключевые слова: переживание, мировоззренческие чувства, мировоззренческие переживания, устойчивые психические структуры личности, идентичность с социальными группами, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский.

Мировоззрение в психологической науке представляет собой относительно устойчивую систему установок, взглядов и убеждений на окружающий его мир и свое место в этом мире. По мере взросления, изменения обстоятельств жизни, прохождение через какие-то ситуации и события личной жизни и явлений среды мировоззрение человека претерпевает изменения.

* Работа выполнена по гранту РФФИ 17-06-01055-ОГН

Однако, эти изменения носят в большей степени накопительный характер, то есть накапливаются на протяжении жизненного пути личности, однако, могут и корректировать мировоззрение, и даже вносить серьезные изменения в мировоззрение, особенно в кризисные моменты жизни человека. У мировоззрения есть и свои психологические функции – оценочно-критические, защитные, объяснительные, духовно-нравственные, ценностно-смысловые. В каждый момент жизни мировоззрение является некоторым фильтром для восприятия конкретных явлений, происходящих в жизни человека или окружающей его среде.

Мировоззренческие чувства сопровождают становление и изменение мировоззрения на жизненном пути человека.

В научную практику термин *мировоззренческие чувства* ввел С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003, с.367). Он определил их как более высокоуровневые, устойчивые и обобщенные чувства по сравнению с предметными чувствами. Основными свойствами мировоззренческих чувств С.Л. Рубинштейн считает их обобщенность (результатируют прожитую жизнь), отсутствие направленности (не направлены на конкретный объект – событие, ситуация, обстоятельства, чей-то поступок и пр.), относительную устойчивость их в структуре личности. Также важным свойством мировоззренческих чувств С.Л. Рубинштейн считает их влияние *на поведение* человека в зависимости от конкретной ситуации: *«В общей проблеме детерминации поведения человека... мировоззренческие чувства выступают как внутренние условия, включенные в общий эффект, определяемый закономерным соотношением внешних и внутренних условий. От такого обобщенного, итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней»* (Рубинштейн, 2002, с.550).

В работе «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейн называет также некоторые из мировоззренческих чувств: чувство юмора, иронии, чувство

возвышенного, трагического, комического и т.п. (Рубинштейн, 2002, с.548). К.А. Абульханова в работе “Этическое наследие С.Л. Рубинштейна” дополняет этот список такими чувствами как верность, доброта, справедливость и т. д.) Там же автор подчеркивает отличие мировоззренческих чувств от близких психологических категорий и предметов психологического исследования: «В отличие от эмоций и чувств, исследовавшихся в отечественной психологии (А. Е. Ольшанникова, В. К. Вилюнас, Б. И. Додонов и др.) и жизненных переживаний, изучаемых А. О. Прохоровым, мировоззренческие чувства, по Рубинштейну, – это не ситуативные, а особые оценочные чувства личности” . (Абульханова, 2011, с. 207)

Таким образом, мировоззренческие чувства, согласно С.Л. Рубинштейну и его последователям, являются важным свойством личности и ее структурообразующим компонентом. В связи с этим возникает проблема социально-психологических механизмов формирования мировоззренческих чувств личности. Для решения этой проблемы можно обратиться к ранним работам С.Л. Рубинштейна, а также к работам Л.С. Выготского по категории переживание. Основой любой теоретической модели в психологии является категориальный и понятийный аппарат, а также взаимосвязи категорий, выражающих динамику изучаемой психологической системы. В нашем случае для изучения процесса формирования мировоззренческих чувств мы используем в качестве основной категории *переживание*. Полагаем, что продуктивным будет рассмотрение переживаний человека в классической трехкомпонентной структуре – эмоционального, когнитивного и конативного элементов. Для изучения мировоззренческих чувств, являющихся результатом всей жизни человека, нам потребуются категории, относящиеся к стратегии жизни, жизненного пути, переживания.

История категории переживание драматична. Со времен Вундта категория переживание стала собственно предметом психологии. Такое же центральное место переживанию определяли два выдающихся отечественных

психолога – Л.С. Выготский (Выготский, 2000, с. 1008) и С.Л. Рубинштейн. Через год после смерти Л.С. Выготского категория на долгое время оказалась вытесненной с почетного места предмета психологии, потом вовсе потеряла свое первоначальное определение и статус предмета психологии. Тем не менее, переживание человека – это тот феномен, с которым сталкивается каждый практикующий психолог-консультант. Надо отметить, что теоретические и эмпирические исследования переживаний не прекращались никогда, исследовались разные феномены и предметы переживаний, разные компоненты переживания.

Трудно перечислить всех ученых, разрабатывавших проблему психологического переживания, поэтому считаем необходимым назвать хотя бы часть из них, это К. Ясперс, К.Г. Юнг, Д. Бугенталь, С. Фiske, Ш. Тэйлор, В. Франкл, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Ф.Е., Василюк, Т.А. Флоренская, Б.С. Братусь, В. Роменец, В.П. Зинченко, А.В. Петровский, К.К. Платонов, М.Г. Ярошевский, А.О. Прохоров, Л.И. Фахрутдинова, Е. Гендлин. Если рассмотреть в исторической перспективе определения категории переживание, то поначалу множественность и разнообразие походов к переживанию вызывают недоумение. При более тщательном рассмотрении становится ясно, что зарубежные и отечественные исследователи, предпринявшие в разное время попытки приблизиться к пониманию феномена психологического переживания рассмотрели его с разных сторон, при этом в основном руководствуясь конкретным типом переживаний – переживание утраты, переживание одиночества, экзистенциальные переживания, переживания смерти, радости, кризисной жизненной ситуации. Также интерес представляет рассмотрение феномена коллективных переживаний – праздничные переживания, эстетические переживания зрительской аудитории в театре, переживания участников Бессмертного полка, болельщиков Олимпиады 2014 в Сочи или Чемпионата мира по футболу в Москве, религиозные переживания совместной молитвы, патриотические переживания и др.

Создание теоретической модели мировоззренческих переживаний можно

поставить в ряд исследований переживаний личности. Необходимо также исследовать соотношение понятий мировоззренческие переживания и мировоззренческие чувства, которые мы предлагаем разделять. Определение мировоззренческих чувств мы заимствуем у С.Л.Рубинштейна (Рубинштейн, 2003, с.367).

В рамках нашего исследования мы рассматриваем ***переживание*** как *динамический процесс проживания человеком субъективно значимых ситуаций, обстоятельств, событий собственной жизни и окружающей среды в виде когнитивных, эмоциональных и конативных процессов, формирующий более устойчивые психологические конструкты: установки, отношения, ценностные ориентации, представления, чувства, и т.д., результирующие, в целом, жизненный опыт и определяющие субъективную картину мира человека.*

Также можно перечислит некоторые свойства *переживания*:

- **Направленность.** Переживание имеет направленность на какое-то явление или предмет среды, событие, свой или чужой опыт, т.е. переживание человека всегда имеет предмет переживания.
- **Единство среды и личности.** Соединение личности и среды в целостность происходит в переживании. При этом переживание не тождественно рефлексии.
- **Преобразовательность,** деятельная созидательность. В отличие от рефлексии, переживание не просто отражает действительность в психическую картину мира, но и творчески преобразует ее в новые личностные образования, значения и смыслы.
- **Субъектность.** Субъектом переживаний может быть и отдельная личность, и группа. Несмотря на то, что исследование переживания всегда происходит на уровне отдельной личности, природа этого переживания может быть как индивидуальной, так и коллективной.

- **Процессуальность.** Любое, даже самое мимолетное переживание представляет из себя процесс выработки субъективной картины мира.
- **Темпоральность** Переживание находится в соответствии определенному отрезку времени жизни человека, в другое время тот же предмет переживаний может вызвать иные переживания.
- **Динамичность** . Переживание не является устойчивой характеристикой личности, очень изменчиво и подвижно.

Созидательность. Результатом некоторых переживаний является формирование или преобразование более устойчивых психических структур, таких как ценностные ориентации, установки, отношения, мировоззрение, мировоззренческие чувства.

С.Л. Рубинштейн выделял также особый вид переживаний - неосознанные переживания: «Человек, который сам не знает о своей склонности к определенной сфере жизни (интеллектуальной или эстетической и т. п.), обнаруживает ее, а иногда прямо выдает, особенной интенсивностью эмоциональных переживаний во всем, что ее касается» (Рубинштейн, 2000, с. 614). Также к неосознанным переживаниям можно отнести архетипические переживания.

Подробнее стоит остановиться на мировоззренческих переживаниях как особом виде переживаний. Не всякое переживание влияет на формирование мировоззренческих чувств. Можно выделить архетипические, социальные, социально-психологические, наследственные, жизненные детерминанты мировоззренческих чувств личности, проведя параллели с соответствующими типами мировоззренческих переживаний. Социально-психологический феномен праздника интересен для рассмотрения в рамках темы данной статьи.

Природа праздника как коллективного переживания чувства радости в большинстве случаев связана с приближением к идеалу в символично-

коммуникативной форме, что выделяет праздничную радость от остальных случаев радостных коллективных эмоциональных переживаний. Праздничные переживания, имеющие коллективную детерминацию, но проявляющиеся на личностном уровне, порождают множество мировоззренческих чувств. Например, праздник влияет на формирование различных идентичностей человека, порождает чувство причастности к социальной группе, с которой он разделяет коллективные радостные переживания, а впоследствии и мировоззренческие чувства. Субъективный опыт празднования в какой-либо социальной группе имеет следствием формирование идентичности с членами этой группы. Праздник города, праздник семьи или всероссийский праздник помогает каждому человеку осознать свою принадлежность к городу, семье, народу, России, школьному классу, студенческой группе, республике, селу, профессиональному сообществу (день учителя, день строителя, день геолога, день танкиста) и прочее. Например, формирование этнической идентичности в основном и происходит в празднике – именно в народном празднике русский становится русским, эстонец – эстонцем, лезгин – лезгином. Передача этнической традиции, этнических ценностей проходит в эмоционально благоприятной обстановке, научение младшего поколения проходит без нравоучений и без насилия, а в естественных формах песни, игры, танцах, в застольных пожеланиях.

В современной практике празднования дня рождения очень часто происходит так, что человек отмечает праздник дня рождения несколько раз с различными социальными группами, к которым он (она) имеют отношение. Например, с семьей, на работе, в спортивной секции и с близкими друзьями. Такое множественное празднование является утверждением идентичности с разными социальными группами, которые значимы для человека.

Б.Г. Ананьев отмечает, что «формирование личности путем интериоризации - присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения - есть вместе с тем освоение определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную

структуру. Все сферы мотивации и ценностей детерминированы именно этим общественным становлением личности» (Ананьев, 1977, с. 244).

В формировании ценностно-смысловых ориентаций исключительно важную роль играют эмоции. Как отмечает венгерский философ П. Хайду, «...в отсутствии эмоциональной оценки и переживания знания, индивиды будут принимать позитивные ценности только на словах, на вербальном уровне» (цит. по Моральные ценности и личность, 1994, с.162). По мнению Б.И. Додонова, «ориентация человека на определенные ценности может возникнуть только в результате их предварительного признания (положительной оценки - рациональной или эмоциональной)» (Додонов, 1978, с.11).

Таким образом, только эмоционально принятые явления и активное, деятельное отношение к ним индивида создают условия для интериоризации ценностей.

Усвоение социальных ценностей происходит также в процессе идентификации. В.Г. Леонтьев отмечает, что базовым компонентом механизма идентификации является переживание значимых для человека ценностей, а развитие личности происходит через специфическое подражательное усвоение личностных смыслов (Леонтьев, 1992, с.80).

Необходимо отличать идентификацию от подражания, поскольку это более тонкий процесс восприятия общих образцов мышления и поведения. Как отмечают американские психологи П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган и А. Хьюстон, идентификация подразумевает сильную эмоциональную связь с человеком, «роль» которого субъект принимает, ставя себя на его место (Развитие личности ребенка, 1987).

Действие этого механизма наиболее эффективно во время праздника, когда каждый человек старается быть лучше, чем в повседневной жизни, приближается к своему идеалу. Ярко выраженные позитивные коллективные эмоциональные переживания позволяют утверждать групповые нравственные ценности. Поэтому духовно-нравственный потенциал праздника очень высок.

Символическая праздничная форма обретения жизненных смыслов и

ценностей позволяет выйти на более глубокие подсознательные и архетипические уровни формирования коллективных и индивидуальных ценностей. Собственно сам феномен праздника можно считать архетипом, поскольку праздник – древнейший социально-психологический феномен, он появился вместе с человечеством и до сих пор человечество регулярно спланируется в большие и малые группы для того, чтобы разделить общую радость, сверить личные и групповые идеалы, ценности и смыслы, которые помогут им после окончания праздника преодолевать трудности будней и ждать следующий праздник.

Кроме мировоззренческих переживаний, дающих обилие мировоззренческих чувств, в современном мире появились новые социально-психологические феномены, связанные с социальными сетями, которые оказывают деструктивное воздействие на мировоззренческие чувства личности. Сами по себе технические и программные платформы разработаны, по мнению их создателей, чтобы предоставить человеку больше возможностей для общения, совместной деятельности и расширения круга друзей и поэтому изначально не несут в себе каких-то деструктивных замыслов. Тем не менее, последствия внедрения социальных сетей и новых гаджетов в нашу жизнь вызвали множество опасений психологов, социологов, политиков из-за выявленных деструктивных последствий пребывания человека в новой социально-психологической среде. Одно из таких деструктивных воздействий на человека - это возможность деструктивного психологического воздействия на массы людей. Например, далеко не все критично могут отнестись к фейковым (ложным) новостям. В результате появляются множество переживаний, которые разобщают людей, вызывают у них противоположные по смыслу переживания, тем самым воздействуют на мировоззренческие чувства. Основной механизм таких деструктивных воздействий – это именно переживания. У группы людей или отдельных личностей появляется возможность манипуляций над массовым сознанием, внушения массам самых

нелепых и чудовищных смыслов ради достижения заказчиками манипуляций своих не всегда чистых замыслов.

Помимо манипуляций есть также и другие менее очевидные деструктивные влияния социальных сетей на психику человека. Например, социальные сети легко позволяют расширить количественно социально-психологическое пространство личности. Превышение некоторого количества людей в этом пространстве решительно изменяет структуру и качество общения в социально-психологическом пространстве значимых людей, в результате снижается эмоциональный и когнитивный ресурс общения и в соцсетях, и в реальной жизни, человек просто не может дать тот же эмоциональный и когнитивный отклик, как он привык ранее. В результате вместо ожидаемой теплоты и дружеских отношений на смену приходит опустошенность, разочарование и чувство неуверенности и незащитности. По всей видимости, для помощи человеку, который проводит значительное время в соцсетях, необходимо составить некоторый свод рекомендаций психолога, например что-то в духе «Психологическая гигиена пользователя соцсети», где коротко описано, как отличить фейки и проверить на достоверность новость, сколько «друзей» стоит иметь в сети, как защититься от буллинга, троллинга и угроз и т.п. Защита естественного процесса формирования мировоззренческих чувств как устойчивых психических структур личности должна базироваться на защите от переживаний по ложным поводам.

В заключение хочется подчеркнуть, что подход к формированию мировоззренческих чувств на основе мировоззренческих переживаний имеет теоретическое и практическое значение и является перспективным направлением психологических исследований.

Литература

1. Абульханова, К. А. Этическое наследие С. Л. Рубинштейна в современной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Сост.: С. В. Тихомирова; отв. ред.: К. А. Абульханова. — М.: Институт

- психологии РАН, 2011. — С. 202—215. это
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / АН СССР, Ин-т психол. - М. : Наука, 1977. - 379с.
 3. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. М.: ЭКСМО-пресс, 2000.
 4. Леонтьев, В. Г. Психологические механизмы мотивации / В. Г. Леонтьев. - Новосибирск : Изд-во Пединститута, 1992. - 215 с
 5. Моральные ценности и личность / [С. Ф. Анисимов, Ю. М. Смоленцев, А. В. Разин и др.]; Под ред. А. И. Титаренко, Б. О. Николаичева. - М. : Изд-во МГУ, 1994. - 175с
 6. Развитие личности ребенка : Пер. с англ. / [П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган, А. Хьюстон]; Общ. ред. А. М. Фонарева; [Предисл. А. М. Фонарева, В. М. Слущкого]. - М. : Прогресс, 1987. - 269 с
 7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2002.
 8. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир — СПб.: Питер, 2003. — 512 с. — (Серия «Мастера психологии»).

MECHANISMS FOR FORMING WORLDVIEW SENSE

© 2019 S.V. Tikhomirova **

** Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, RAS

129366, Moscow, st. Yaroslavskaya, 13-1.

Email: sti@ipras.ru

Annotation: The article poses the problem of determining the worldview feelings of a person as one of the stable mental structures of a person along with attitudes, value orientations, prevailing relationships, beliefs. As the main factor in the formation of worldview feelings, it is proposed to consider the experiences of a person throughout his life's journey. In the category of experience, the main properties are highlighted and the author defines the category of experience based on the works of S.L. Rubinstein and L.S. Vygotsky. On the example of holiday experiences, the mechanism of the formation of a person's identity with social groups that are significant for him is shown, the spiritual and moral potential of the holiday and

thereby the worldview essence of holiday experiences that form stable ideological feelings of involvement in such small groups as a family and such large social groups as the state and ethnic group are indicated . The destructive effects on worldview experiences, and, accordingly, on the worldview feelings of a person in social networks are considered, ways of protecting a person from destructive influences during communication and interaction in social networks are proposed. The necessity of developing practical measures for such protection is justified.

Keywords: experiences, worldview feelings, identity with social groups, S.L. Rubinstein, L.S. Vygotsky.